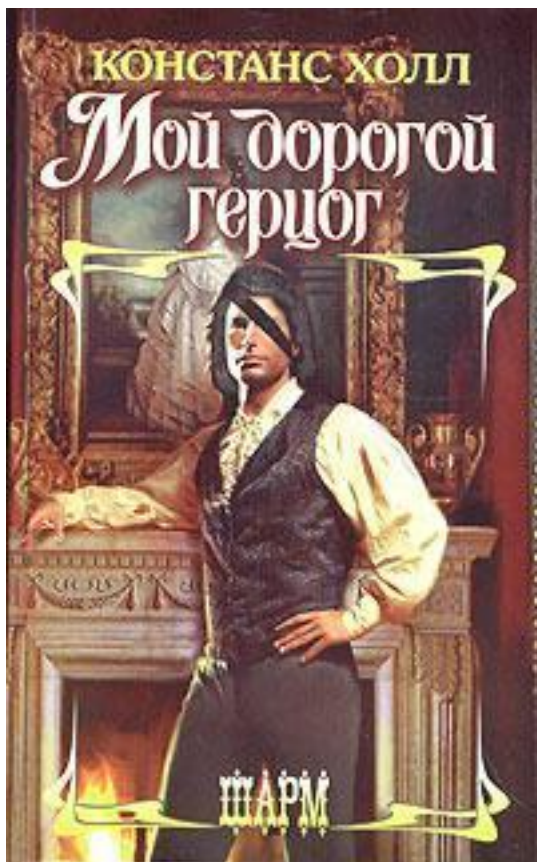

КОНСТАНС ХОЛЛ

Мой дорогой герцог

Констанс Холл

Мой дорогой герцог

OCR ИОСЯ; Spellcheck ALEKSA

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157232

Мой дорогой герцог: АСТ; Москва; 2004

ISBN 5-17-024989-6

Аннотация

Очаровательная Келси Уолларил ненавидела циничного повесу герцога Эдварда Салфорда – человека, который принес много горя ее семье, – и мечтала отомстить негодяю.

И вот наконец, когда судьба привела юную Келси в дом герцога, настало время действовать. Но... как мстить тому, кто не задумываясь готов отдать ей свое сердце и душу? И надо ли отвергать любовь, которая может стать счастьем для двоих.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	42
Глава 4	66
Глава 5	86
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Констанс Холл

Мой дорогой герцог

*Посвящаю Норманну, Даниэлю и Дэвиду, моим
возлюбленным*

Глава 1

Джарроу, Англия, 1823

Келси Уолларил откинула назад тяжелую прядь густых темных волос, выбившуюся из-под ленты. Закусив губу, она отодвинула ведро с углем в сторону и открыла дверь в комнату. Дверь заскрипела на ржавых петлях. Даже не взглянув, не побеспокоила ли она отца, девушка направилась прямо к очагу и с громким стуком поставила тяжелую ношу.

Отец застонал. Это вызвало улыбку на ее лице. Зачерпнув в совок угля, она бросила его на решетку. Грохот угля, выпавшегося на металл, вызвал очередной стон. Келси еще шире улыбнулась. Она вытерла руки о старый, заляпанный краской передник, поднялась, шагнула к старым занавескам и раздвинула их.

Солнечный свет ударил Морису Уолларилу прямо в лицо. Он зажмурился, и морщинки в уголках его глаз обозначились резче. Он заслониł глаза рукой и простонал:

– Уходи отсюда.

– Вставай, папа. Уже почти полдень, тебе пора работать. – Келси подняла пустую бутылку из-под рома, валявшуюся рядом, и села на стул рядом с кроватью.

Отец не слушал ее.

– О, ма шер, я не могу, я умираю тут. – Он перевернулся и засунул голову под подушку.

– Миссис Уотсон придет позировать с минуты на минуту. – Келси не смогла сдержать отчаяния в голосе. – Я приготовила твою палитру, и в мастерской уже все готово.

– Мои дью! У этой женщины лицо как у вороны. Я не могу смотреть на него с утра. Скажи ей, что я умер.

– Я не стану этого делать. – Келси скрестила руки на груди и укоризненно посмотрела на него, как на непослушного ребенка.

– Дopiши за меня портрет, ма шер, ты рисуешь так же, как я, а то и лучше.

– Я практически закончила, миссис Уотсон пришла сюда не затем, чтобы ее портрет нарисовал твой помощник, и ты это знаешь, папа. Она хочет, чтобы это сделал ты, знаменитый французский художник Уолларил. Все, что от тебя требуется, – это несколько завершающих мазков кисти на холсте и твоя подпись.

– Скажи ей, что художник не может работать без вдохновения, что мое вдохновение исчезает, стоит мне взглянуть на нее, скажи ей...

– Ничего у тебя не исчезает, потому что нечему исчезать! А теперь вставай! – Келси стащила подушку с головы отца и, поддразнивая, шлепнула его несколько раз.

Но он даже не пошевелился. Тогда она решила попробовать по-другому.

– Пап, у нас кончился уголь. И в кладовой ничего нет, только несколько реп и пара яиц. Нам нужна новая крыша. И если ты не встанешь и не закончишь портрет, мы будем голодать и у тебя... – Келси говорила, глядя в сторону, но видела, как он подпрыгнул, – не будет денег на твой ром, а в буфете не осталось ни одной бутылки. И тебе придется отказаться от визитов к этим твоим... – Келси чуть было не произнесла «шлюхам», но вспомнила слово, которое отец употреблял, говоря о них, и добавила: – Любовницам. И ты знаешь, что ежемесячное пособие от дяди Беллами уже закончилось. Ты растратил его неделю назад, как только получил.

Отец приподнял опухшие веки и взглянул на дочь налитыми кровью глазами. Годы и образ жизни несколько не отразились на внешности Мориса. В свои пятьдесят он был все так же красив, темные волосы лишь слегка тронула седина. Он нравился женщинам с первого взгляда, но этим утром не собирался никого очаровывать. Ему бы с постели встать...

– Не смотри на меня так, а то мне плакать хочется. Я знаю, ты несчастлива со мной. – Он посмотрел на нее печальным взглядом.

– О, папа, я на тебя не злюсь. – Она наклонилась, поцело-

вала его в щеку, поморщившись от запаха перегара и рома, и добавила: – Я просто хочу, чтобы ты встал с постели, ну пожалуйста.

– Нет никакой нужды вставать. У меня есть куда более выгодное предложение.

Келси схватила его за руку, собираясь поднять с кровати, но остановилась.

– Что ты сказал?

– Я сказал, у меня есть куда более выгодное предложение, на три тысячи фунтов. – Он гордо улыбнулся ей, и лицо его просветлело, от чего он сразу помолодел лет на десять.

– Три тысячи фунтов? – Она недоверчиво прищурилась.

– Это правда, ма шер. Герцог Салфорд хочет отреставрировать фрески в бальной зале.

– Герцог Салфорд – Она перешла на крик, и Морис поморщился, схватившись за голову.

– Тише, силь ву пле... моя бедная голова...

– Как ты мог, папа? – Келси отошла к окну, не в силах смотреть на отца.

Она схватилась за подоконник с такой силой, что руки слегка задрожали. Неясный силуэт замка вырисовывался вдалеке на выступе холма. Крепостной ров, мост и боевые укрепления давно были уничтожены, но четыре башни остались нетронутыми. Однако даже они не придали замку более приветливый вид. Он по-прежнему выглядел мрачной средневековой крепостью. Боевые укрепления пугали бед-

ных жителей деревень. Так было и сейчас.

Морис пристально смотрел на дочь, в задумчивости стоявшую у окна. Смотрел, как будто видел в первый раз. Морис почувствовал укол совести. Ее волнистые черные волосы рассыпались по плечам. Карман передника, заляпанного красками, распоролся по швам и болтался. Она носила старые отцовские бриджи и одну из его старых белых рубашек, давно утратившую белизну. Худоба делала Келси похожей на мальчишку и придавала ей трогательный вид.

Куда умчались годы? Он был никудышным отцом. Слезы навернулись ему на глаза. Он сморгнул, спустил ноги с кровати, сделал шаг – и все поплыло перед глазами.

– Мы сможем спокойно прожить на эти деньги, о да. – Он старался, чтобы его голос звучал увереннее.

Дождавшись, пока комната перестанет вращаться, он подошел к дочери и взял ее маленькие ручки в свои. Ее голова едва доставала ему до плеча, и ему пришлось наклониться, чтобы заглянуть в ее большие зеленые глаза. Он провел пальцем по ее руке.

– Не сердись, ма шер. Я только хочу, чтобы тебе было хорошо.

Она открыла рот, чтобы возразить, но он жестом остановил ее:

– Посмотри на свои руки, они покраснели и потрескались от работы по дому. У твоей матери были такие же, и это меня убивало. Я готов продать душу дьяволу, только бы у тебя

были нежные белые ручки.

Она сдвинула брови и выдернула руки из рук отца.

– Принять заказ от Салфорда – все равно что продать душу дьяволу, папа.

– Это не важно. Я куплю тебе новую одежду и украшения, чтобы ты не ходила, как оборванка. Взгляни на себя: тебе двадцать, ты прекрасная молодая девушка, весенний цветок, его должен сорвать достойный мужчина.

– Я некрасива, папа. Гриффин говорит, что я тощая, как водосточная труба, а глаза у меня, как у теленка.

– Да что Гриффин понимает! Он тебе как брат. Любой почтет за честь взять тебя в жены!

Она упрямо вскинула подбородок:

– Если для достойного мужчины главное – красивая одежда, то мне лучше остаться старой девой. Я предпочла бы всю жизнь носить обноски, чем смотреть, как ты унижаешься и работаешь на лорда Салфорда.

– Я знаю, но гордость не прокормит нас, ма шер. – Морис заглянул в поразительно зеленые глаза дочери и потянулся рукой к ее плечу, но она отступила на шаг.

– Намерения у тебя благие, но мы оба знаем, что все деньги ты потратишь на выпивку и...

Он не дал ей договорить:

– Я знаю, что ты хотела сказать, ты уже говорила это не раз. Я признаю свои грехи. Но я француз! – Он полагал, что это оправдывает все его слабости.

Морис направился к туалетному столику, где стоял кувшин с водой, и налил немного в чашу. Плеснул на лицо и потянулся за полотенцем. Келси вскочила, чтобы подать его, и художник улыбнулся. Он обнял дочь за плечи и нахмурился, глядя на свое отражение в зеркале.

– Ох, десять лет могут сильно изменить внешность не в лучшую сторону, о да, и многое стереть из памяти.

– Салфорд виноват в смерти Клариссы. Ты можешь так легко это забыть?

– Я никогда этого не забуду. Но нельзя быть злопамятным. Я всегда знал, что жизнь Клариссы закончится трагедией. Она была совсем не такой, как твоя мама.

– В таком случае зачем ты на ней женился, папа? Почему любил ее больше, чем маму? Не понимаю.

Тщательно подбирая слова, чтобы не причинить ей боль, Морис ответил:

– Твоя мать была прекрасной, милосердной, справедливой женщиной. Я любил ее по-своему. – Он грустно улыбнулся и продолжил задумчиво: – Это была спокойная Любовь. Я привык к твоей матери, как привыкают к старым тапочкам. С ней было уютно.

Он помолчал некоторое время. И вдруг выражение его лица изменилось, глаза засверкали, когда он подумал о своей второй жене.

– Затем я встретил Клариссу. Дикая, неприрученная, она была для меня раем и адом. Она любила, и в ее душе горел

огонь. Я знаю, я обжегся, но... — его голос смягчился, — ... да поможет мне Бог, я никогда об этом не пожалею. Надеюсь, и ты почувствуешь такой огонь, когда влюбишься и выйдешь замуж.

Келси молчала, лишь внимательно смотрела на отца. Если даже он сделал ей больно, это не отразилось в зеленой глубине ее глаз. Морис был ей благодарен за понимание. Возможно, она поняла больше, чем нужно. При этой мысли Морис нахмурился.

— Ты, может быть, и способен простить его, но я — нет.

Он откинул упавшую прядь волос и посмотрел ей в глаза.

— Если я могу простить его, ма шер, то и ты сможешь.

Она хотела что-то сказать, но звук остановившейся повозки отвлек ее, и она повернулась к окну:

— О, миссис Уотсон приехала.

— А, эта ворона. — Он заметил, как Келси нахмурилась, и добавил: — Веди ее в мастерскую и подготовь. Я буду через минуту.

Она поспешила к двери, но остановилась, уже взявшись за ручку.

— Папа, не соглашайся. Ты, может, и простил его, но я уверена, ждать от него добра не приходится. Я сомневаюсь, есть ли у него совесть вообще. Наверняка он хочет нанять тебя по какой-то другой причине, например, чтобы рассмеяться тебе в лицо. — Она заметила, как сник отец, и добавила: — Извини, папа, но мне противна сама мысль о том, что ты бу-

дешь на него работать.

Она уже собиралась закрыть дверь, когда отец остановил ее:

– Он не меня просил, а тебя.

– Что? – Келси побледнела.

– Он предлагает тебе отреставрировать фрески. Утром пришлет за тобой экипаж.

– Не так уж и много – три тысячи фунтов за твое прощение. – Она хотела сказать еще что-то, но в этот момент постучали в дверь. Она смерила отца презрительным взглядом. Он даже отшатнулся, задев стоящий позади столик, и вздрогнул, когда она хлопнула дверью прямо перед его носом.

Морис расплылся в улыбке. Он знал свою Келси. Она ни за что не упустит такие деньги, тем более что они очень нужны. Она пойдет к герцогу.

Глава 2

На следующее утро дворецкий в Стиллморе с силой захлопнул массивную дверь из красного дерева, и на Келси повеяло холодом. В нос ударил затхлый запах древних камней. Вокруг царил полумрак. Сюда не проникал дневной свет. Она огляделась, чувствуя себя огражденной от всего мира.

Дворецкий зажег свечу, и отблески ее пламени трепетали на стенах, где было развешано оружие.

Двенадцать железных рыцарей стояли по обеим сторонам, как дозорные, готовые ожить в любой момент, схватить оружие со стены и защищать замок от незваных гостей.

Дворецкий кашлянул. Только сейчас Келси обратила на него внимание. Это был высокий, худой, лысый человек со сморщенным ртом. Он смотрел на бриджи и передник Келси с явным неодобрением.

Отец умолял ее надеть одно из двух имеющихся у нее платьев, хотя оба они были выцветшие и изношенные, ничуть не лучше ее рабочей одежды, однако Келси категорически воспротивилась. Она наденет то, что пожелает. Не станет менять свою внешность, чтобы сделать приятное Салфорду, которого презирует. Об этом она тоже сказала отцу, причем таким тоном, что он стрелой вылетел из дома. И плевать ей на этого надменного дворецкого. Она смело взглянула на него и улыбнулась:

– Я мисс Уолларил. Лорд Салфорд ждет меня. Дворецкий никак не отреагировал, будто не слышал. Тогда она повысила голос и, отчеканивая каждое слово, повторила:

– Я – мисс Уолларил! Художница! Герцог ждет меня!

– Не надо кричать, мисс, я не глухой. А то мертвецов под часовой разбудите.

Келси улыбнулась шутке и покраснела. Салфорд наверняка слышал ее голос.

– Извините, – прошептала она. – Я думала, вы плохо слышите.

– Восхищен вашими зубами, – прошептал он, следуя ее примеру. – Они такие ровные и белые.

– У моего отца хорошие зубы, у мамы тоже были хорошие. Видимо, мне по наследству передались. – Она подумала, что у него такой кислый вид скорее всего из-за плохих зубов.

С лица его сошла кислая мина, и он сказал:

– Вам повезло, мисс. – Он взял у нее ящик с кистями и набросками и поставил в сторону. – Его светлость ждут вас.

Келси последовала за дворецким. Их шаги гулко отдавались в тишине.

Они шли по длинному темному коридору. На стенах висели олени рога, очень напоминавшие когти, и Келси казалось, что они вот-вот схватят ее.

Какой-то скрип заставил девушку оглянуться. В крошечной тьме не был виден конец коридора. То здесь, то там проступали мрачные тени. Она судорожно сглотнула и ускорила

шаг, чтобы поравняться с дворецким.

– Вы слышали скрип?

– Нет, мисс.

– А я слышала.

– В Стиллморе скрипы и стоны – дело обычное, вы к ним скоро привыкнете.

Привыкнет? Она посмотрела на дворецкого, не в силах избавиться от чувства, будто что-то происходит у нее за спиной. Снова раздался скрип. Она опять взглянула на дворецкого. Странно, он даже не шелохнулся и бровью не повел. Келси сделала вид, что тоже ничего не слышала, хотя по телу поползли мурашки. Она пошла рядом с дворецким. Так близко, что рукой задевала его рукав. Он оставался невозмутим.

– Я слышала, пятый герцог обезглавил свою жену и ее любовника прямо в постели? – прошептала она, то и дело с опаской оглядываясь.

– Это было сто лет назад, мисс, я ничего такого не знаю.

– Да? А как насчет второго герцога? Говорят, некоторые из его гостей не вернулись из этого замка, здесь и погибли.

– Мне кажется, мисс, вы наслушались деревенских сплетен.

– Не думайте, что я в это поверила, – сказала Келси возмущенным тоном. – Но рассказывают столько историй о привидениях в Стиллморе! Интересно, хотя бы одна из них основана на реальных фактах? – Она ощутила неловкость и

решила никогда больше не слушать рассказов Гриффина о привидениях. Скорее всего скрип ей просто почудился.

Наконец они остановились у какой-то двери, дворецкий открыл ее и с порога доложил:

– Мисс Уолларил, ваша светлость!

Келси вытерла вспотевшие ладони о край передника, стараясь взять себя в руки, и шагнула в комнату.

Дверь за ней громко захлопнулась.

Она вздрогнула, подумав, что дворецкий не хлопал дверью, просто огромное пространство и тишина настолько усилили звук.

Она огляделась в просторной, длинной комнате. Лучи света проникали сквозь маленькие окошки под потолком. Клубы пыли кружились между толстыми дубовыми балками наверху. За долгие годы дым сделал балки черными, и они выглядели так же мрачно, как весь замок. Окна пропускали очень мало света для такой большой комнаты, но его хватало, чтобы разглядеть ряды книг вдоль стен. Библиотека Южного Шилдса была раза в четыре меньше. В этой комнате спокойно поместилось бы полдеревни.

– Не стойте там, мисс Уолларил, присядьте. – Этот низкий голос ударил по нервам.

Она посмотрела в глубину комнаты. Хотя была середина июня, в камине горел огонь, языки пламени мерцали в очаге, таком большом, что в нем можно было бы зажарить целого кабана. Этой комнате тоже не хватало тепла и уюта. Руки

Келси покрылись мурашками, она поежилась и тут увидела стулья перед очагом. На одном из них кто-то сидел, но лицо сидящего скрывала тень, освещены были только его изящные руки, державшие книгу. Казалось, он занимал все пространство, и комната сразу показалась маленькой.

– Можете подойти ближе, – сказал человек со скучающей вежливостью в голосе. – Я вас не укушу.

– А у меня есть причины думать иначе.

– Если вы меня боитесь, зачем было приходить?

– Я вас не боюсь. Но отец согласился на ваше предложение, не посоветовавшись со мной. – Голос ее дрогнул.

Не дождавшись ответа, она направилась к стулу напротив, но тут услышала его голос:

– Вы можете сесть на стул позади меня.

Она посмотрела на стул с жесткой спинкой, стоявший углом к его стулу, будто его специально так поставили. Келси почувствовала себя нашкодившим ребенком, которого в наказание ставят в угол. Она села, сложила руки на груди и состроила рожицу. Шуршание бумаги прозвучало, как удар грома, нарушив тишину в комнате. Ее взгляд упал на длинные ухоженные пальцы, перевернувшие страницу. Она заерзала на стуле. Он продолжал читать, словно ее здесь не было. Напрасно она сюда пришла. Трех тысяч фунтов мало за такое унижение. Она поднялась, чтобы уйти.

– Сядьте, мисс Уолларил. Она вся сжалась.

– Думаете, я буду сидеть тут весь день, ожидая, пока вы со-

благоволите поговорить со мной? У меня полно других дел, ваша светлость.

– Сядьте! – произнес он тоном, не терпящим возражений.

Она пристально посмотрела на его большие сильные руки, все еще державшие книгу, понимая, что он мог бы легко с ней справиться. Она села, не переставая смотреть на него, готовая снова вскочить. Он не шевельнулся.

– Поскольку вы пробудете здесь некоторое время, советую вам попридержать язык, мисс Уолларил.

– Сожалею, что, говоря прямо, обидела вас, – сказала она с плохо скрываемой злостью. – Надеюсь, наши встречи будут нечастыми и короткими.

– Думаю, так будет лучше для нас обоих. – Его длинные пальцы застыли на краю страницы.

– Согласна, так что давайте сразу поговорим начистоту. Если бы не деньги, которые вы предлагаете, меня бы здесь не было. Полагаю, вы это поняли. Есть еще кое-что, что вы должны знать. Фрески не так легко восстановить. Если повреждения серьезные, не исключено, что придется стереть старое изображение и на его месте рисовать новое. Если старое изображение окажется мне не по духу, я не стану переделывать и вам придется искать другого художника. Я не могу изобразить того, чего не могу себе представить или чего не принимает мое сердце.

– То есть вы полагаете, что прежние изображения своим убожеством или безнравственностью могут внушить вам от-

вращение.

Она вскинула брови, услышав нотки насмешливого удивления в его голосе.

– Люди окружают себя предметами искусства, которые отражают их сущность. Не думаю, что вы меня удивите.

– Кажется, вы и в самом деле очень плохого обо мне мнения.

– А как может быть иначе? Ваше поведение в прошлом и оскорбление, которое вы нанесли моему отцу, вынудив его прислать меня сюда, достаточно красноречиво характеризуют вас. Предлагая ему такую сумму, вы прекрасно знали, что он не сможет отказаться.

Он промолчал. Атмосфера накалилась до предела.

– Кстати, откуда вы узнали, что я рисую? – решила она сменить тему.

Он подумал мгновение, затем сказал:

– Было очевидно, что ваш отец, мягко говоря, не очень надежен. Я знаю, что вы ему помогаете, делаете за него большую часть работы и еще ведете хозяйство. Знаю также, что вы живете на очень скромные средства. И хотя он считает себя великим французским художником, на самом деле во Франции он никогда не был широко известен. Он переехал в Англию после Ватерлоо, потому что потерял тех нескольких клиентов, что у него были, и ему не на что было жить. К несчастью, здешней аристократии его услуги тоже негодились, и его единственные клиенты – это нувориши, на-

жившие свои состояния на удачной торговле. Я также знаю, что ваш отец получает ежемесячное содержание от дальнего родственника из Франции, однако тратит деньги не по делу.

Как он узнал о деньгах от дяди Беллами? Остальное общеизвестно – все, кроме того, что она рисует за отца, но об этом он мог догадаться.

– Вы знаете обо мне слишком много, – сказала она с раздражением в голосе.

– У меня к вам определенный интерес.

– Странно! Или вас замучила совесть? Ведь вы превратили моего отца в посмешище для всей деревни, а также повинны в смерти Клариссы. – Келси замолчала, ожидая ответа.

Он снова ничего не сказал.

Его молчание было хуже пощечины. И она с горечью проговорила:

– Уверяю вас, смерть Клариссы явилась для меня тяжелой утратой. Она не была любящей мачехой, но мой отец любил эту женщину. Скандальные обстоятельства ее смерти довели его до отчаяния, и в этом виноваты вы. Я никогда вас не прощу. Так что, пожалуйста, оставьте ваш интерес ко мне. Мне не нужна ваша жалость, если вы способны на такое нежное чувство.

Она смахнула слезы.

Он не отвечал, явно пытаясь усмирить свой гнев. Она взглянула на него. Он не шевельнулся, его руки и ноги ка-

зались настолько неподвижными, как будто были сделаны из мрамора. Другой на ее месте скорее всего не Заметил бы почти невидимое глазу напряжение и подрагивание пальцев, державших страницу. Но она заметила. И поняла, какого самоконтроля требует это внешнее спокойствие. Он словно был изваян из камня, с куском льда вместо души.

– Если, увидев фрески, вы решите, что сможете работать с ними, я оставляю все вопросы на ваше усмотрение. Пока вы здесь, вы должны следовать некоторым правилам. Я люблю покой и не хочу, чтобы его нарушали. Для вас приготовлена комната рядом с бальной залой. Там вы будете есть и спать. Нет никакой необходимости покидать эту часть дома. Вы должны оставаться здесь. Если захотите прогуляться в саду, пожалуйста – с восьми до десяти утра. Вы не можете принимать здесь посетителей, только отправлять письма, столько, сколько захотите. Вы можете пользоваться библиотекой с двенадцати до двух дня. Музыкальной комнатой, если играете на фортепьяно, – с трех до четырех пополудни. Вам понятны правила?

– Вполне. – Она поднялась. – Я должна есть в своей комнате, сад с восьми до десяти, библиотека с двенадцати до двух. Музыкальная комната – с трех до четырех. Бродить по замку запрещено. Дышать – тоже.

Она сказала это специально, чтобы разозлить его, но, когда услышала заразительный громкий смех, невольно улыбнулась. Затем она сделала серьезное лицо и посмотрела на

его длинные, изящные пальцы. Она удивилась, когда вдруг почувствовала желание написать их.

– Есть еще какие-нибудь правила, которым я должна следовать?

– Да. Я, возможно, приду посмотреть на вашу работу. Но в это время вы должны будете выйти. – Тон его снова стал ледяным. – Уоткинс заранее предупредит вас о моем приходе.

Грусть и одиночество, скрывавшиеся за деспотичностью, вызвали в душе Келси сострадание. Улыбка исчезла с ее лица, и она мягко спросила:

– Скажите, вы установили все эти правила, чтобы защитить мою чувственность или ваше тщеславие?

– Я не стану отвечать на этот вопрос. Пока вы находитесь под моей крышей, вы будете следовать моим правилам, и хватит задавать вопросы. Понятно?

– Вполне. – Келси решила не произносить больше ни слова, но не удержалась: – Еще я хочу вам сказать, что если вы установили все эти правила, чтобы я не пугалась, то напрасно. Отец хотел быть уверенным, что я хорошо освоила все виды живописи. Я видела такие вещи, по сравнению с которыми ад Данте показался бы раем. Любая впечатлительная девушка не выдержала бы и грохнулась в обморок. Поверьте, я ни разу в жизни не падала в обморок, даже когда отец, решив, что я должна познакомиться с анатомией человека, заставил меня поехать в Лондон и присутствовать при вскрытии. – Келси нахмурилась и продолжила: – Меня вырвало

прямо ему на рубашку, но я не упала в обморок. Всем известно, что вас изуродовали тогда же, когда убили Клариссу. Уверена, это и есть причина всех этих правил, но вам не нужно скрывать от меня свою внешность. Это никак не изменит моего мнения о вас и не вызовет воплей ужаса.

Он захлопнул книгу и вытянул ноги. Она подумала, что сейчас он встанет и повернется к ней, но он сказал:

– Вы ошибаетесь. Уоткинс проводит вас до вашей комнаты.

Келси хмуро взглянула на спинку стула, повернулась и пошла к двери. Рассердила она его или он просто смеялся над ней, но в его голосе появился какой-то намек на чувство. Хорошо это или плохо, она пока не знала, но, может быть, теперь сумеет нормально с ним разговаривать, когда они встретятся. Может быть.

Когда Келси вышла за дверь, Уоткинс уже ждал ее. Он выглядел взволнованным, как будто подслушивал под дверью.

– Идемте, я провожу вас до вашей комнаты, мисс. – Он повернулся и пошел какой-то слишком напряженной походкой. – Полагаю, вы осведомлены о правилах?

– У вас прекрасный слух, и вы слышали, что мне о них рассказали.

Что-то изменилось в голосе Уоткинса, и он промолвил:

– Ну, раз мы так откровенно разговариваем, мисс...

– Надеюсь, вы будете называть меня просто Келси.

– Хорошо, мисс Келси. – Он с трудом произнес ее имя и

затем продолжил: – Позвольте сказать вам, что я не слышал смеха его милости уже многие годы. Благодарю вас за это.

– Не благодарите меня, я пыталась разозлить его, как вы, наверное, знаете. А также знаете, что я ненавижу его за боль, которую он причинил моему отцу.

– Прощение лучше, чем наказание: первое – признак доброты, второе – жестокости.

– Невероятно! Моя мама всегда говорила мне то же самое и еще другие пословицы. Эпиктет и Соломон были со мной все мое детство, пока я не решила, что с меня хватит, и, – она улыбнулась, – моя мама застала меня, когда я закапывала в землю свою Библию и книгу с цитатами Эпиктета.

– И что она сделала? – с удивлением спросил дворецкий.

– Да ничего. А папа, узнав о моем поступке, заплодировал. Это тогда вызвало много споров в нашей семье. Понимаете, у отца и матери всегда были разногласия по поводу моего воспитания. Ему не нравились ее пуританские взгляды, а она не могла принять его богемных идей. И твердо стояла на своем. После случая с закапыванием книг она стала цитировать мне «Эссе о морали» папы римского и псалмы.

– Ваша мама, должно быть, была очень хорошей женщиной.

– О да. Очень хорошей, – сказала Келси торжественным тоном. – Отец матери был третьим сыном лорда Бритлвуда, и церковь являлась делом всей его жизни. Отец моей бабушки был сквайром. Я не знала бабушку и дедушку. Они не одоб-

рjali моего отца и лишили мать наследства, когда она сбежала с ним и они поженились.

— О... — сказал он с сочувствием в голосе, и некоторое время они шли молча.

Уоткинс резко свернул в другой коридор. Стены здесь покрывали обои и панели, значит, они вошли в новое крыло замка. Она поморщилась, увидев ярко-желтые с красным обои, они были ужасны, но все равно Келси была рада, что страшные тени, скрипы и вздохи остались позади, в старой части замка.

Дворецкий повернул еще раз, и они вошли в портретную галерею. Келси замедлила шаг, пораженная красотой комнаты. Солнечный свет струился из десяти больших окон, расположенных вдоль одной стены. Рядом с каждым окном располагались пуфики. Вытканый золотом ковер, тянувшийся вдоль всей комнаты, гармонировал с золотистыми порттьерами на окнах и подушками на пуфиках. На другой стене висели портреты предков Салфорда в красивых резных с позолотой рамах.

Келси шла мимо портретов фамилии Салфорда, находя среди них стили Гейнсборо, Рубенса, Лели, Ван Дейка.

Ей нечасто выпадал случай полюбоваться такими произведениями искусства, поэтому она задержалась у картины сэра Генри Реберна, художника, чьи работы всегда узнавала по насыщенным цветам и широким мазкам кисти.

На картине был изображен мужчина с коротко подстри-

женными темно-каштановыми волосами. Он стоял у дуба, держа в руке поводья лошади. У него были тонкие аристократические черты лица, высокие скулы, которые делали его похожим на сокола. Прямые линии подбородка лишь добавляли надменности его чертам. Черные как оникс глаза сверкали. Портрет прекрасной женщины в длинном платье тоже принадлежал кисти Реберна. Грусть в ее глазах поразила Келси. Женщина была совсем молодая, возможно, ровесница Келси, но одиночество и меланхолия в ее взгляде, которые подметил Реберн, делали ее гораздо старше. Бледное лицо обрамляли золотые кудри. По изгибу плеча и наклону головы было видно, что мысли ее где-то далеко и позировать для нее – мучение.

– Я вижу, вы нашли портрет хозяина и последней герцогини.

Келси вздрогнула. Рядом стоял Уоткинс. Она всплеснула руками:

– Вы напугали меня!

– Извините, мисс Келси. – В его бесцветном голосе совсем не было раскаяния.

Келси улыбнулась и повернулась к портрету мужчины с узкими бедрами и широкими плечами.

– Так это лорд Салфорд?

– Да, как раз когда он получил титул, – ответил Уоткинс с гордостью.

На Келси вновь нахлынули воспоминания. – Я видела его,

когда он проносился по деревне в повозке с красивой молодой девушкой.

Но это было так давно еще до скандала, до того, как Келси возненавидела его. Она отвернулась от портрета Салфорда и посмотрела на его жену.

– Она выглядит очень грустной, – сказала Келси, пытаясь сменить тему.

– Это нарисовано в день их свадьбы.

– Как я понимаю, не очень-то радостное событие. – Она изучала загадочное лицо девушки, чувствуя к ней жалость. Лучше провести всю жизнь в заточении в Тауэре в Лондоне, чем стать женой Салфорда.

– Это был запланированный брак.

– Вы хотите сказать, что лорд Салфорд и его жена совсем не любили друг друга? – Она повернулась к Уоткинсу.

Он кивнул:

– Пожалуй, вы правы.

Мать всегда говорила Келси, что леди не должны сплетничать с прислугой. Но Келси не считала себя леди, потому что была дочерью бедного художника, и, не церемонясь, спросила:

– А правда, что герцогиня покончила жизнь самоубийством из-за того скандала, Уоткинс?

– Не могу сказать, мисс Келси. – Уоткинс весь напрягся и не стал продолжать. Он слишком хорошо относился к лорду Салфорду, чтобы высказывать свое мнение.

– Ее самоубийство подлило масла в огонь скандала после смерти Клариссы, – сказала она, продолжая допытываться.

– Скорее всего да, но это не мое дело, и я не стану болтать лишнего.

– Понимаю.

Уоткинс дал ей понять, что не скажет больше ни слова. В деревне всем было известно, что жена Салфорда покончила с собой, но подробностей никто не знал.

Мысли о Клариссе и Салфорде не покидали ее. Два слившихся тела за угольным амбаром. Комната Келси была под чердаком, и девушка все видела из окна собственными глазами.

Келси зажмурилась, пытаясь прогнать воспоминание. Она видела их всего раз, но забыть не могла все эти годы. В ее самых сокровенных мечтах Салфорд целовал не Клариссу, а ее. Она просыпалась вся в поту, презирая себя за то, что позволила мужчине, которого ненавидела, заниматься с ней любовью, несмотря на то что это был всего лишь сон. Голос Уоткинса вернул ее в реальность:

– Вы побледнели. Что с вами, мисс Келси?

– Все хорошо, спасибо. Просто в голову лезут неприятные мысли. – Она потерла вспотевшие ладони. Уоткинс выглядел обеспокоенным, и она добавила: – Правда, все прошло. Я в порядке.

– Тогда прошу за мной.

Келси бросила на девушку с портрета последний взгляд,

полный сочувствия, и поспешила за Уоткинсом. Они прошли через лабиринт коридоров, свернули еще несколько раз, и Уоткинс, наконец, остановился перед двумя большими дверьми.

– Это бальная зала. – Он хотел открыть дверь, но изнутри донесся какой-то шум. – Брут, – пробормотал Уоткинс.

– Брут? – Келси спряталась за спину Уоткинса, думая, что Брут – скорее всего ирландский волкодав, который питается человечинной.

– Не бойтесь, он не тронет, если его не трогать. – И дворецкий толкнул дверь.

Келси выглянула из-за плеча Уоткинса. Огромный рыжий кот шипел на прыгающего вокруг спаниеля. Собака, съежилась и зарычала, а потом убежала в угол. Нос у собаки был исцарапан до крови.

– Брут – наш местный задира и ловец крыс, – с важностью произнес Уоткинс, направился к коту и замахал на него руками. – Давай, Брут, иди, оставь Трасти в покое!

Брут зашипел на Уоткинса и, мягко ступая, вышел из комнаты, двигаясь с грациозностью хищника и помахивая хвостом с таким видом, будто он царь зверей.

Собака тут же выбежала следом, задев ноги Келси. Та засмеялась, глядя, как хвост Трасти мечется между лап и как он убегает галопом по коридору.

– По-моему, Брут любит собак не меньше, чем крыс.

– У нас нет никаких крыс. И думаю, настанет день, когда

я проснусь, а Трасти тоже не будет.

Келси улыбнулась, удивленная неожиданно появившимся у Уоткинса чувством юмора. Он продолжал:

– Брут совсем не умеет себя вести. От него лучше держаться подальше.

– Я это учту, – сказала Келси, входя в залу.

Зала оказалась огромной. Видимо, некогда величественная, она сейчас была пуста, люстра накрыта, стены расписаны фресками с изображением пар в нарядах семнадцатого века, музыкантов, слуг возле стола, уставленного яствами. Она удивилась, ожидая увидеть в бальной зале Салфорда совсем другие, эротические, сюжеты: греческих богов, окруженных обнаженными нимфами.

– Его светлость сказали, что вы будете работать там. – Уоткинс направился к дальней стене.

Они шли по мраморному полу, и их шаги эхом разносились по зале. Вдоль стены были построены леса, видимо, для нее.

Уоткинс остановился у металлической поддерживающей балки и внимательно посмотрел на Келси, явно ожидая ее реакции.

Она нырнула под балки. Длинная тонкая трещина тянулась от пола до потолка. Она провела пальцем внутри полудюймового разлома, ощущая, что глубина везде одинаковая, затем отковырнула несколько болтающихся кусочков штукатурки. Келси отскочила от трещины и взглянула на Уоткин-

са. Он стоял поджав губы, так, что их совсем не было видно, и сосредоточенно разглядывал узор на полу.

– Я не могу отреставрировать эту фреску. Слишком большая трещина. Как это могло произойти? – Она отряхнула руки и вышла из-под лесов.

– Я... я не знаю. Это появилось не так давно, его светлость говорит, что от оседания.

– От оседания? – Келси скрестила руки на груди и посмотрела на него из-под бровей. – Мне казалось, замок перестраивали в последние годы правления королевы Елизаветы?

Уоткинс уклонился от прямого ответа:

– Полагаю, вы правы, мисс Келси.

– Хм... Получается, этому новому образованию уже двести лет. Не странно ли, что такая старинная постройка вдруг стала оседать?

– Не знаю.

– Вы не заметили еще где-нибудь трещин?

– Нет, только здесь.

– Передайте лорду Салфорду, пусть пригласит архитектора, чтобы посмотрел трещину. Все это может просто осыпаться. Надеюсь, он не очень часто бывает здесь, – едва сдерживая смех, заметила Келси.

– Зала уже не один год пустует, мисс Келси. С тех пор как умерла мать его светлости, больше семнадцати лет назад.

– Зачем тогда лорд Салфорд задумал ремонт стены?

– О, он просто одержим идеей содержать замок в порядке.

– Понятно. – Заметив неловкость Уоткинса, она прекратила расспросы. Он все равно не признается, что на самом деле случилось со стеной.

Уоткинс расслабился, вздохнул с облегчением и направился к двери.

– Ваша комната здесь, пожалуйста, следуйте за мной, я покажу вам ее.

Келси вздохнула и посмотрела вслед Уоткинсу. Очевидно, кто-то умышленно повредил стену. Но зачем? Ей вообще-то должно быть все равно, раз она получит за это три тысячи фунтов.

Она распишет стену и возьмет причитающиеся ей деньги. Все до цента. Она больше не позволит отцу подписывать выполненные ею портреты, тем более что он согласился на эту работу, даже не посоветовавшись с ней. Может, мужчины и доминируют в мире искусства, но с помощью этих денег она сможет спокойно жить в мастерской, отдать долю отцу, а затем сделать себе имя. Она могла бы дать рекламу в Лондоне. Возможно даже, ей удастся вращаться в высших кругах и завести какие-нибудь связи. Некоторые леди и джентльмены умоляли ее написать их портреты. Но какую цену придется заплатить за мечту? Не будет ли она слишком высокой?

В дальнем конце бальной залы открылась дверь. Келси подняла голову от доски с набросками. Молоденькая девушка внесла поднос. Она была настолько худой, что одежда сво-

бодно болталась на ней. В ее ярко-рыжих волосах была видна накладка горничной. Девушка тяжело вздохнула, приподняла поднос, и накладка сползла на лицо. Она не заметила Келси, которая приютилась в дальнем углу комнаты у окна, и направилась к двери, ведущей в комнату художницы.

Келси перевела взгляд на свои наброски и нахмурилась. Она собиралась рисовать сюжеты для фресок на стене. Старые были слишком простыми, однообразными, она хотела сделать что-то новое, эффектное, запоминающееся, но красивые, аристократические руки Салфорда не шли у нее из головы. Как глупо! Она тратила время, снова и снова рисуя их. Келси захлопнула папку с набросками и встала.

Горничная повернулась и во все глаза уставилась на Келси, словно увидела привидение. Она побледнела и, выронив поднос, закричала.

Келси поспешила к ней, но истерика не прекратилась, а лишь усилилась, когда девушка увидела, что Келси идет к ней. Она схватила горничную за плечо и встряхнула.

– Все в порядке, я тебя не обижу, я – Келси Уолларил, художница. Я теперь буду работать здесь, приехала сегодня утром.

Горничная перестала кричать, посмотрела на Келси и постепенно успокоилась, видимо, узнав ее. Приложив руку к сердцу, девушка сказала:

– О, мисс, вы меня напугали, я не ожидала увидеть вас здесь.

– Извини, я не хотела.

Келси наклонилась, чтобы поднять поднос, но из-за упавшей еды он прилип к полу. Келси потянула, поднос оторвался от пола, а Келси по инерции подалась назад и, приземлившись на кусок миндального пирожного, проехала на нем, прежде чем смогла остановиться.

– О, мисс, вы не ушиблись? – Горничная помогла Келси встать. – Позвольте, я уберу здесь. Прошу меня извинить. Вы в самом деле не ушиблись?

– Да нет, пострадала только моя гордость. – Келси улыбнулась.

– О, слава Богу, мисс, я рада, что вы не сердитесь, не то что некоторые, уж я-то знаю. О Боже, это ведь был ваш ужин, вы, наверное, умираете с голоду, а все равно не стали меня ругать. – На глазах у девушки выступили слезы, и, чтобы скрыть их, она взяла с подноса салфетку и принялась вытирать пол.

Келси присела позади нее на корточки.

– Не расстраивайся, ничего особенного не произошло.

Келси подобрала с пола кусок жареной телятины и кинула на поднос, театрально взмахнув кистью. Девушка засмеялась сквозь слезы.

– Как тебя зовут? – спросила Келси, улыбнувшись.

– Мэри... Мэри Симпсон.

– Что же, Мэри Симпсон, – сказала Келси, подражая шотландскому говору горничной. – Я – Келси Уолларил.

– Рада познакомиться. – Мэри широко улыбнулась и вытерла подолом глаза и нос. – Не знаю, что на меня нашло... все из-за этой комнаты. У меня даже мурашки бегают.

Улыбка сбежала с лица Келси. Она ложкой подцепила кусок пудинга и тоже бросила на поднос.

– А что в этой комнате страшного?

– О, мне, наверное, не следует говорить, вам отвели комнату совсем рядом... – Мэри указала на дверь, ведущую в спальню Келси, затем понизила голос и заговорщическим шепотом произнесла: – Но вы должны знать! А они скрыли! Это нечестно!

Мэри замолчала. Келси захотелось встряхнуть ее, но она лишь спросила:

– Что скрыли?

– В этой комнате повесилась последняя герцогиня. – Она показала на люстру. – Вон там.

Келси взглянула на закрытую люстру и представила грустную молодую девушку из портретной галереи с веревкой на шее и золотыми локонами, обрамлявшими бледное лицо...

Вдруг одна из хрустальных подвесок на люстре с легким звоном качнулась. Сердце Келси бешено забилося. Мэри побелела от страха.

В этот момент Келси обернулась и увидела стоящего у двери Уоткинса. Из груди ее вырвался вздох облегчения: легкого дуновения воздуха, проникшего внутрь, хватило, чтобы качнуть подвеску. Келси попыталась успокоиться.

– Что ты наделала, Симпсон? – строго спросил Уоткинс, подходя к девушкам.

– Мэри не виновата, – сказала Келси. – Это я перевернула поднос.

– О! – Голос Уоткинса смягчился. – Симпсон, быстро принеси другой поднос, а потом убереешь здесь.

– Да, сэр. – Мэри подняла поднос, поклонилась Уоткинсу, затем Келси и выбежала из комнаты.

Келси посмотрела на Уоткинса. По его взгляду она поняла, что он обо всем догадался.

– Не сердитесь на нее, – сказала она, помолчав.

– Не буду, если вы не станете верить чепухе, которую она вам наговорила об этой комнате.

– Я не верю в призраков, – ответила она, отчеканивая каждое слово. – А вы, Уоткинс?

– Нет, замок Стиллмор населяют только живые.

Келси взглянула на люстру. Снова одна подвеска шевельнулась, или у нее слишком живое воображение? Она и до этого слышала какие-то странные звуки, когда впервые попала в замок. Келси постаралась отогнать эти мысли. Уоткинс прав. В Стиллморе живет только герцог собственной персоной.

Она взглянула мальчику в глаза, увидела в них улыбку и бросилась к нему в объятия. Было так хорошо, когда он обнимал ее. Он любил ее. Иона любила его так, как никого

больше в этом мире.

– Ты женишься на мне, когда вырастешь? – Она провела рукой по мягкой шерстке кролика.

Улыбка осветила лицо мальчика.

– А ты уверена, что не хочешь выйти замуж за этого кролика?

– Нет, только за тебя. Кролик будет смотреть, как нас обвенчают в прекрасной церкви. – Она засмеялась и погладила кролика. – Правда, кролик?

Кто-то вошел в комнату. Грубо вырвал ее из объятий мальчика. Она брыкалась, кричала, тянулась к нему, но он растворился в таинственном сером тумане...

Келси проснулась от ночного кошмара, который мучил ее с самого детства. После него оставалось ощущение, будто у нее вырвали сердце. Она прижала руку к груди, чувствуя, как быстро бьется сердце, и заставила себя дышать ровно. И тут почувствовала, что в ее комнате кто-то есть...

Это чувство было ей уже знакомо, впервые она испытала его, когда вместе с Уоткинсом шла по темным коридорам замка в день своего приезда. Она открыла глаза. Два дьявольских зеленых зрачка сверкнули в темноте. Келси открыла рот, но не смогла закричать. По телу побежали мурашки.

Шторы на окне были раздвинуты, и лунного света было вполне достаточно, чтобы Келси разглядела нечеткий силуэт на спинке кровати.

– Брут? – прошептала она, чувствуя, что понемногу приходит в себя. – Ты до смерти меня напугал. Как ты сюда пробрался? – Она протянула к нему руку. – Можешь подойти ближе, котик, я так же одинока, как и ты.

Однако кот прыгнул с кровати и исчез в темноте. Ответенная ей спальня находилась перед бальной залой и, очевидно, была в спешке отремонтирована к ее приезду. Сосновая кровать, платяной шкаф и рисовальный столик не гармонировали с золотистыми французскими обоями, позолоченными зеркалами и изысканным, покрытым золотистым шелком пуфиком, стоявшим у окна.

Но все равно комната была красивее, чем ее собственная спальня. И к счастью, не большая, так что Брут не мог от нее спрятаться.

Она присела на пол, опершись на руки, и заглянула под кровать:

– Кис-кис-кис, Брут, иди сюда, котик.

Ей ответили заскрипевшие наверху половицы. Отвлекаясь на шум, Келси опустила обложку и посмотрела вверх. Ей показалось, что кто-то идет по лестнице. Ее комната была в восточном крыле замка, и, как она полагала, эта часть его пустовала. Кто же тогда живет в комнате над ней? И кому понадобилось разгуливать там посреди ночи? Уж точно не призраку герцогини.

Она снова напомнила себе, что привидений не бывает. Что просто разыгралось воображение. Шум подъехавшей

повозки прервал ее размышления.

Она шагнула к окну, которое выходило на передний двор замка, и отодвинула занавеску. Луна вышла из-за облаков, осветив четырехместную коляску с черными лакированными боками, на которых виднелся герцогский крест. В коляску была впряжена пара серых коней.

Кто мог приехать в замок за полночь? И зачем? Подъехав к замку, коляска свернула на другую дорожку и направилась к входу для слуг.

Несмотря на все запреты, вопреки здравому смыслу, Келси зажгла свечу и выскользнула за дверь.

Бальная зала была погружена во мрак. Келси, стараясь не смотреть на люстру, поспешила к двери, которая вела через кухню к входу для слуг. В конце длинного коридора Келси слышала приближающиеся шаги, доносившиеся из соседнего коридора. Она быстро задула свечу, поставила подсвечник и, затаив дыхание, прижалась к стене. Кто-то приближался, пламя свечи танцевало на стенах.

Вошел Уоткинс и остановился напротив двери. Казалось, он сейчас заметит ее. Но он не заметил. Она слышала скрип двери и голос Уоткинса:

– Его светлость ждут вас.

Келси открыла глаза и рядом со слугой увидела женщину. Та похлопала Уоткинса по щеке и сказала хриплым голосом:

– Не сомневаюсь, дорогуша.

Келси окинула гостью быстрым взглядом. Красное платье

с глубоким вырезом, из которого буквально вываливалась пышная грудь, плотно обтягивало фигуру. Светлые волосы были убраны наверх, лишь один длинный завиток спускался на плечо. На губах и щеках лежал толстый слой краски. Келси вспомнила Клариссу. Она тоже носила такие платья. И тоже была блондинкой.

Келси стояла в конце опустевшего коридора. Ей бы вернуться в свою комнату, но она всегда все делала наоборот. Ее задело, что Салфорд позволяет этой бесстыднице смотреть на свое лицо, а ей – нет. Келси подождала, пока шаги затихнут. Затем тихонько пошла по коридору, следуя за ними, прячась за мебелью, скрываясь в тени. Вверх по лестничному пролету. Вдоль по коридору. Внимательные глаза предков Салфорда следили за каждым ее движением с портретов в золоченых рамах, но она не обращала на них внимания.

Уоткинс и женщина остановились напротив двери в комнату. Келси замерла и прижалась к стене. Они все еще находились в восточном крыле замка. Она поняла, что комната герцога была как раз над ее спальней. Значит, она слышала шаги Салфорда.

– Ваша светлость, посетительница уже здесь. Женщина прошла мимо Уоткинса, покачивая бедрами, ее грудь колыхалась в такт шагам.

– Спасибо, сладенький! – Она послала Уоткинсу воздушный поцелуй.

Келси прикусила губу, чтобы не рассмеяться. На лицо

Уоткинса отразилось брезгливое выражение. Он в сердцах хлопнул дверью и исчез вдали коридора.

Оставшись одна в темноте, Келси подкралась поближе к двери, из-за которой донесся бархатный голос лорда Салфорда, а затем низкий, чувственный смех женщины. Келси присела и попыталась заглянуть в замочную скважину. Но ничего не было видно. Тогда она приложила к двери ухо.

Не успела Келси опомниться, как дверь распахнулась и она ввалилась в комнату...

Глава 3

Келси усталилась на турецкий ковер с цветочным узором, униженная, не в силах пошевелиться. К счастью, волосы упали ей на лицо и скрыли краску стыда.

Проститутка хрипло расхохоталась. Келси готова была провалиться сквозь землю.

– Это совсем не смешно, – сказал Салфорд. – Немедленно убирайся!

Келси взяла себя в руки, вскочила и, не оглядываясь, убежала из комнаты.

В своей спальне Эдвард Джеймс Хантингтон, благородный восьмой герцог Салфорд, попытался оттолкнуть Саманту, но она обняла его.

– Да забудь ты об этой глупой девчонке, – сказала она, запуская руку ему под одежду. Ее пальцы сомкнулись, почувствовав его эрекцию. – Она просто любопытная. Нет ничего особенного в том, что юная мисс интересуется мужчинами. Впрочем, могу поспорить, не такая уж она наивная. Ее отец – постоянный клиент моих девочек, ну а ей захотелось самой посмотреть. – Саманта улыбнулась, обнажив крошечную щербинку между зубами.

– Я должен пойти за ней. Она и так считает меня дьяволом во плоти. – Эдвард скатился с кровати.

– Не все ли тебе равно, что подумает эта юная мисс?

– Уж не ревнуешь ли ты? – равнодушно спросил Эдвард, натягивая брюки.

– Мне просто не нравится, что я готова, а мой мужчина выскакивает из постели и бежит преследовать другую женщину. Ведь она совсем ребенок. – Саманта надула губки и отбросила шелковые светлые волосы, выставив напоказ свою роскошную грудь.

– Я скоро вернусь. – Эдвард надел рубашку и поцеловал женщину в ложбинку меж грудей.

– Ладно, иди, – недовольно сказала Саманта, сев на кровати. – Вряд ли эта малявка на что-нибудь способна. Она только взглянет на тебя и сразу упадет в обморок.

Он не отреагировал, продолжая застегивать рубашку.

– Мне знаком такой тип девушек, – продолжала она гнуть свою линию. – Если собираешься приударить за ней, ничего не получится.

– Ты ее не знаешь! – Эдвард вспомнил историю про вскрытие, которую рассказывала ему Келси. Пусть лицо у него изуродовано, Келси это не остановило бы. Она смогла бы посмотреть Циклопу в глаз и рассмеяться.

– О, я знаю. И вовсе не собираюсь тебя тут ждать. И не вернусь, если опять позовешь.

Эдвард посмотрел на нее так, что она сразу умолкла.

– Вернешься, моя сладкая. Я плачу тебе огромные деньги за то, чтобы ты являлась по первому же моему вызову.

Саманта негодуя хмыкнула, когда он взял свои туфли

и направился к двери.

Келси бежала не останавливаясь, пока ее не пронзила острая боль. Она задыхалась, в висках стучало, к горлу подступила тошнота.

Отдышавшись, девушка убрала прилипшие ко лбу волосы, вытерла слезы тыльной стороной руки. Вдруг в ноздри ударил запах вспаханной земли. Только сейчас она заметила, что стоит посреди пшеничного поля. Залитые лунным светом шелковистые колосья слегка покачивались. За полем мелькнул знакомый домик с высокой соломенной крышей, широкой дымовой трубой и клумбами маргариток по обеим сторонам. Она провела здесь много времени, греясь у огня, свернувшись калачиком. Келси пробежала почти три мили до дома Гриффина.

Она прошла сквозь ряды пшеницы и направилась к входной двери. Макгрегоры наверняка уже спали. Она не хотела их будить. Она могла бы бросить камешек в окно Гриффина, но он спит мертвым сном и ничего не услышит. Поколебавшись минуту, она постучала в дверь.

Никто не ответил. Она еще раз постучала. Прошло несколько минут, прежде чем дверь открылась. На пороге стоял Элрой Макгрегор, отец Гриффина. Высокий, мускулистый мужчина. Его ночная рубашка высоко задралась, из-за чего он казался еще выше, ночной колпак съехал набок, и из-под него торчали густые рыжие волосы. Он поправил колпак и поднял лампу, чтобы разглядеть ее.

Недоумение и гнев уступили место удивлению и беспокойству, когда он узнал Келси.

— Черт побери, малышка Келси, что ты тут делаешь среди ночи в одной сорочке?

Только сейчас она вспомнила, что не одета. Элрой обнял ее и втолкнул в дом. Поставил лампу на каминную полку над очагом, оглядел небольшую комнату, служившую и столовой, и гостиной, затем схватил старое шерстяное одеяло с дивана и укутал ее, как маленькую.

— Ну вот, — сказал он дружелюбно. — Присядь, детка.

Она села поближе к огню и уставилась на языки пламени, боясь встретиться с ним взглядом. Элрой Макгрегор был ей как второй отец. Она любила его с самого детства. И все равно не смогла бы ему объяснить, почему оказалась на его пороге посреди ночи, босая, в одной сорочке, и при этом не умерла от стыда и унижения. Но объяснить все-таки необходимо.

— Мне так жаль, что я вас разбудила...

— Не глупи! А к кому бы ты пошла, если не к нам? Ты, можно сказать, член нашей семьи. — Он поднялся. — Пойду разбуджу жену, пусть вскипятит чайник.

— О нет, не надо, — взмолилась Келси едва слышно. — Пожалуйста, не будите Эдит. — Ведь если она встанет, то поднимет на ноги всех остальных. Келси не хотелось увидеть сейчас всех семерых младших братьев и сестер Гриффина. — Не надо никого беспокоить, но...

— Я знаю, кто тебе нужен. — В глазах Элроя блеснул огонек понимания. — Ты наверняка хочешь поговорить с моим сыном, вы дружите с самого детства. Но если я сам могу что-то для тебя сделать, только скажи. — Он сжал ее руку.

— Я знаю, спасибо.

Ком подступил к горлу Келси.

От ее жалкого вида мистеру Мак-Грегору стало не по себе, и он произнес деловым тоном:

— Ну что же, тогда я пойду вытрясу Гриффина из кровати. Но тебе придется вылить на него ведро воды, чтобы разбудить окончательно, ты же знаешь, как он спит, стоит ему только коснуться подушки.

Келси кивнула, прислушиваясь к тяжелым шагам мистера Мак-Грегора, поднимавшегося по лестнице в комнату, где спали Гриффин, его братья и сестры. Затем огляделась. Длинный обеденный стол со стульями стоял рядом с камином. Темные пятна от воска говорили о том, что столу уже много лет и за ним едят впопыхах. Напротив каждого стула были выбиты инициалы, указывающие на места, которые по праву занимал каждый из детей. Она улыбнулась, увидев четкие Г. М. как раз напротив стула, стоящего справа от места, где сидел Элрой Мак-Грегор. Почетное место для старшего сына, Гриффина.

Она посмотрела на другую часть комнаты, служившую гостиной. Круглый тряпичный ковер покрывал пол из толстых досок, на нем стояли два стула с жесткими спинками

и кресло-качалка напротив дивана, накрытого поношенной камкой. Это кресло мать Гриффина не разрешала никому трогать. Оно было предназначено для гостей. Даже Келси не пользовалась привилегией сидеть на нем, чему была рада, поскольку это делало ее частью семьи. Рядом с креслом-качалкой стоял самодельный столик. На нем – коробочка со швейными принадлежностями, которые поблескивали в свете огня. Небольшая вышитая крестом лента с именами детей и днями их рождения висела над креслом. Остальные стены были украшены подарками Келси, которые она делала детям, и портретом Гриффина. Келси нарисовала его, когда Гриффину исполнилось шестнадцать лет. Комната была простая, без всяких дорогих украшений, что делало ее теплой и уютной. Не то чтобы мать Гриффина не любила украшений, просто Мак-Грегори, как и другие крестьяне, арендовавшие землю у Салфорда, платили огромную ренту. Это была одна из причин, почему Келси враждебно относилась к герцогу.

При мысли о Салфорде она вздрогнула. Поплотнее завернувшись в одеяло, девушка наслаждалась спокойствием и любовью, царившими в этом доме. Келси приходила сюда, спасаясь от всех своих горестей, будь то бесконечные ссоры родителей, смерть матери, злобное отношение Клариссы – мачеха всегда обижала ее, особенно когда отца не было рядом.

Еще Кларисса угрожала ей. Когда отец отлучался из дома,

Кларисса приводила мужчин из деревни и занималась с ними любовью, а Келси боялась сказать об этом отцу. Впрочем, он и сам знал, но смотрел на все ее проделки сквозь пальцы.

После смерти Клариссы жизнь Келси превратилась в настоящий ад. Отец беспробудно пил, ходил по шлюхам. Об этом писали все лондонские газеты. А после того как жена герцога Салфорда покончила жизнь самоубийством, разразился настоящий скандал. Отец прятался дома, пытаясь утопить свое горе в рюмке, а Келси, которой тогда было всего двенадцать, заботилась о нем. За те месяцы она стала старше на несколько лет. Если бы не Гриффин, она, наверное, убежала бы из дома к цыганам, как собиралась в детстве. Ее мать тогда говорила в шутку: «Ладно, детка, только пусть они приведут тебя домой к обеду».

Наконец появился Элрой Мак-Грегор, а за ним и Гриффин. Он был еще выше отца и такой же мускулистый.

Элрой протянул Гриффину лампу и улыбнулся Келси:

– Вам это понадобится. А если ты уговоришь ее остаться, думаю, мать не будет возражать, если она поспит на диване.

Келси улыбнулась в ответ. Элрой вышел в дверь, которая вела в их с Эдит спальню.

Гриффин посмотрел на Келси, затем провел рукой по копне льняных волос, еще больше растрепав их. Келси засмеялась бы, если бы не чувствовала себя виноватой из-за того, что разбудила его.

– Прости, Гриффин, – произнесла она мягко, откинувшись

на диване и закрыла глаза.

– Не притворяйся, что сожалеешь, я ведь знаю, что это не так, – сказал он своим обычным поддразнивающим тоном.

Не в силах сдержать слезы, она закрыла лицо руками.

– О, Келл, ну прости, в чем дело? – Он сел рядом с ней и обнял.

– Это ужасно, просто ужасно. – Келси разрыдалась у него на плече. – Я никогда не плачу, правда? А сейчас твоя рубашка промокнет от моих слез. – Келси отодвинулась от него и вытерла слезы концом одеяла.

– Скажи наконец, что случилось? – Он скрестил руки за головой и вытянул свои длинные ноги.

Келси посмотрела на его голые ступни. Только сейчас она заметила, что он не застегнул и не заправил рубашку.

– Я только что из Стиллмора.

– Из Стиллмора? – Гриффин сел прямо, глядя на нее во все глаза.

– Да, я не смогла сказать тебе раньше, но папа согласился на реставрацию фресок там, в бальной зале.

– Ну а что ты там делаешь?

– Салфорд захотел, чтобы это делал не папа, а я.

– Ты? – Светлые брови Гриффина взлетели вверх.

– Не надо так удивляться, я пишу не хуже отца.

– Ты же знаешь, я не об этом подумал. Но мне кажется странным, что герцог попросил это делать тебя. После того как они с Клариссой хотели сбежать и после смерти Кла-

риссы в результате несчастного случая, мне кажется, он не смог бы в глаза смотреть твоему отцу, и вообще... – Гриффин сжал челюсти. Он ненавидел Салфорда, об этом красноречиво говорило выражение его лица.

Из-за непомерной арендной платы за землю страдала вся его семья. Келси решила не рассказывать Гриффину о подозрительной трещине в стене и о том, что Салфорд, видимо, сам разрушил ее по какой-то непонятной причине. Она наматывала длинную прядь волос на палец и смотрела на языки пламени. Наступило молчание. Гриффин первым нарушил его:

– Ты чего-то недоговариваешь. Ты всегда наматываешь волосы на палец, когда пытаешься что-то скрыть.

Келси вздохнула и попыталась уклониться от прямого ответа.

– Да нет, правда, ничего особенного. Я, может, и не возражала бы отреставрировать эту стену, если бы отец хотя бы со мной посоветовался, прежде чем соглашаться. А потом... я просто не смогла отказаться, когда узнала, что герцог заплатит три тысячи фунтов...

Он присвистнул и отпустил ее руку.

– Три тысячи фунтов? Чертовски повезло.

– Я знаю и не позволю отцу растратить эти деньги, сохраню все до последнего цента. – Она улыбнулась. – Вот почему я согласилась. Но ты не поверишь, сколько правил я там должна соблюдать.

– Правил? – озадаченно спросил он. Она закатила глаза:

– Тысяча правил! Знаешь, он живет как отшельник после тех событий. Наверное, слухи о том, как он искалечен, – сущая правда. Он прячет свое лицо. Для того и придумал все эти правила, чтобы мы с ним случайно не встретились. Боятся, что я упаду в обморок, увидев его, и вот... – Она осеклась и покраснела, подумав о том, что натворила.

– Ну и что ты сделала? Наверняка какую-нибудь глупость. Келл, ты не способна жить по правилам. – Улыбка тронула уголки его губ.

– Я совершила такую глупость, Гриффин, так унизилась, что мне даже рассказывать стыдно. При одной мысли об этом меня тошнит.

– Ну давай, рассказывай. Наверняка не так уж все плохо.

– Достаточно плохо. – Она помолчала и стала рассказывать. Закончила и вопросительно посмотрела на Гриффина.

Молчание затянулось. Он придвинулся к ней, лицо его исказила гримаса, и вдруг разразился хохотом.

Келси стукнула его по руке.

– А еще называешься лучшим другом, Мак-Грегор! Смеешься над моей бедой.

– Не смог удержаться, – сказал он, пытаясь успокоиться, – когда представил, как ты ввалилась в комнату. Это еще забавней, чем смотреть, как старая сумасшедшая Аджи из деревни выгуливает свинью на поводке.

Келси в ярости сдернула с себя одеяло и встала.

– Давай, давай, смейся надо мной, – произнесла она шепотом. – А я лучше уйду, пока ты не поднял на ноги весь дом. Не хватает только твоих братьев и сестер, чтобы тоже посмеялись надо мной.

Гриффин схватил ее за руку, снова усадил на диван и вытер ей слезы.

– О, Келл, с каких пор ты стала такой чувствительной? Ведь я шучу.

– Я должна вернуться. – Келси нахмурилась, подумав об этом. Лучше бы ей встретиться с самим дьяволом, чем с Салфордом.

– Ты не обязана возвращаться. – Он перестал смеяться и задумался.

– Я должна. Три тысячи фунтов – слишком большая сумма, чтобы упустить ее. Не знаю, правда, захочет ли он, чтобы я продолжала работу после того, что случилось.

– Тебе не нужны деньги, Келл, ты можешь остаться здесь.

– Я уверена, что твои родители с радостью примут еще один голодный рот. А где я буду спать, в коровнике? – Келси улыбнулась, несмотря на страх перед Салфордом. Все равно она должна будет вернуться. После того как Гриффин над ней посмеялся, она сможет встретиться с Салфордом. Сможет.

Он сжал ее руку, но не так, как обычно, и в его глазах Келси заметила странный блеск. Ей стало не по себе, и она попыталась высвободить руку, но Гриффин не выпустил ее.

– Ты могла бы спать со мной, Келл.

Келси раскрыла от изумления рот. Ничего подобного она от своего лучшего друга не ожидала.

– Можешь закрыть рот, Келл. Я не предлагаю тебе ничего плохого, – сказал он, краснея, и, поколебавшись с минуту, с трудом выдавил из себя: – Я хочу, чтобы ты стала моей женой.

Келси посмотрела на него в недоумении, затем улыбнулась:

– Это очередная шутка, да?

Его голубые глаза померкли, на лице появилось выражение боли.

Келси перестала улыбаться.

– Ты что, серьезно?

– Серьезней не бывает.

Она хотела что-то сказать, но он жестом ее остановил.

– Позволь я объясню. Я всего лишь сын простолюдина, а ты благородной крови, но только по материнской линии, и никогда не придавала этому значения. Могут сказать, что я выскочка, но это не так – мы с тобой оба бедны как церковные мыши. Родители всегда надеялись, что мы поженимся. Я построю дом, и ты сможешь рисовать сколько твоей душе угодно. Мы будем счастливы, Келл, и тебе не надо будет возвращаться к Салфорду.

– Но мы ведь не так любим друг друга. – Келси вздохнула.

– Но мы сможем полюбить. – Гриффин подпер рукой под-

бородок. Он смотрел на нее с надеждой.

– Ты не знаешь, о чем говоришь. А как насчет Лоры? Ты говорил, что влюблен в нее, неделю назад. И Вероники, и Шерон?

– Все это несерьезно.

– Почему?

– Они для меня ничего не значат, и предложения им я не делал.

– Но ты собирался сделать предложение Веронике.

– Я много чего собирался сделать. – Улыбка осветила его лицо, и глаза сверкнули давно знакомым ей хищным огоньком.

Келси никак не отреагировала на его слова. Она выудила у него все детали год назад, когда все произошло. Вероника была дочерью священника, но отец, видимо, недостаточно строго следил за ней. Ее репутация была такой же, как у Клариссы.

– Хорошо, что священник нашел того моряка, а то бы он тебя к ней кандалами приковал.

– Не я был отцом ребенка.

– Верно. Но все равно ты женился бы на ней. Я хорошо тебя знаю.

– Я не настолько глуп, Келл.

– Нет? – Ее губы растянулись в улыбке. – Почему тогда ты решил, что влюблен в Лору, когда у нее умерла мать, а когда брат малыша Вероники умер, стал ухаживать за ней, а потом

за Шерон, когда у нее умерла собака.

– Что ты такое говоришь?

Келси дотронулась до его руки, чувствуя, как он напрягся.

– Когда дело касается женщины, ты становишься необычайно чувствительным. Вот почему я не выйду за тебя. Ведь ты сделал мне предложение из жалости. Мы друзья, настоящие друзья, ими и останемся. Все равно мы никогда не полюбим друг друга, как мужчина и женщина, и добром это не кончится.

Гриффин внимательно смотрел на нее пару мгновений, затем в глазах его зажглась улыбка и он сказал, поддразнивая ее:

– Что, боишься потерять из-за меня покой? Келси тряхнула головой, откинув волосы на спину.

– Если бы это могло случиться, то это случилось бы уже давным-давно. И я не была бы твоим лучшим другом все эти годы. Потому что дружба и любовь несовместимы.

– Ну, настоящей-то любви между нами никогда и не было.

– Ты совершенно прав. Помнишь, как мы первый раз встретились? Я красила забор, ты бросил в меня яблоко, а я в тебя – кисточку и попала прямо в лицо. – Келси гордо взглянула на него.

Гриффин захихикал, легонько хлопнув ее по щеке.

– Зато я вылил на тебя ведро скипидара и победил.

– От меня потом воняло скипидаром несколько недель.

Мама едва оттерла мне голову, я думала, выдерет все волосы.

Никогда тебе этого не прощу!

– Но ты мне отомстила.

Келси вспомнила, какую взбучку она ему задала. Он тогда неважно выглядел.

– У меня даже кусок зуба отвалился. – Гриффин засмеялся и показал отколотый передний зуб.

Келси вдруг посерьезнела.

– Спасибо, Гриффин, ты меня развеселил. Сразу стало легче на душе. Что бы я без тебя делала? – Келси чмокнула его в щеку.

Гриффин покраснел, самодовольная улыбка заиграла на его лице.

Шум снаружи заставил ее отпрянуть от Гриффина.

Кто-то постучал в дверь.

– Кого, интересно, принесло в такой час? – Гриффин пошел открывать.

За его широкими плечами Келси не могла рассмотреть, кто пришел.

– Я заметил, что горит свет, – раздался мужской голос. – Вы не видели где-нибудь здесь юную мисс по имени Келси Уолларил?

Келси вздрогнула при упоминании своего имени.

– А почему вы спрашиваете? – Гриффин навис над пришедшим.

– Мой хозяин прочесывает все вокруг, чтобы найти ее.

– Так скажи ему, что она в безопасности и я сам приведу

ее, как только она пожелает.

– Не могу, приятель. Давай-ка ее сюда, и я прослежу, чтобы она добралась в целости и сохранности.

– Не выйдет...

Гриффин схватился за край двери, его мускулы напряглись под рубашкой, и он набросился на мужчину. Девушка вскочила и подбежала к двери.

– Впусти его, Гриффин, я пойду с ним, – сказала Келси, плотнее закутавшись в одеяло, чтобы скрыть дрожь в руках.

Эдвард ждал на дорожке, которая вела к дому. Он сидел на своем вороном жеребце, Кинжале, постукивая рукояткой хлыста по ладони. Конь чувствовал его нетерпение и рыл землю, помахивая головой.

Эдвард похлопывал сильную шею животного, ощущая, как перекачиваются под его пальцами мышцы. Поднялся ветер, луна скрылась за облаками, и все вокруг окутала тьма. Капля дождя упала ему на плечо, он повернулся и еще раз взглянул в сторону дома.

Он слышал голоса, принесенные ветром, дверь открылась, и луч света упал на порог. Грейсон, один из его конюхов, вышел первым, следом за ним какой-то мужчина. Кто бы это мог быть? После случившегося с ним несчастья он ни разу не приезжал к своим крестьянам, поручив это Мореллу, своему управляющему. Но он знал, что Мак-Грегор с семьей все еще живет в этом доме. Возможно, этот парень – один из

сыновей Мак-Грегора. Эдвард решил при первой же встрече спросить об этом у управляющего.

Сын Мак-Грегора шагнул в сторону, и появилась Келси. При взгляде на нее у него перехватило дыхание. Тощая маленькая девчонка, которую он помнил, сильно изменилась. Огромные зеленые глаза, завораживающий взгляд, проникающий в самую душу. Да она стала настоящей красавицей.

Темные волнистые волосы рассыпались по спине. Ночная сорочка была лишь частично прикрыта одеялом, свисавшим с бедер. Луч света падал на ее стройные ножки.

Она повернулась к молодому Мак-Грегору, что-то сказала ему, и они рука об руку направились к лошади.

Эдвард рассматривал парня, пока тот помогал Келси взобраться на лошадь. Он был красив, прямо-таки белокурый Дионис.

Мак-Грегор дотронулся до подбородка Келси, игриво шлепнул ее – такое мог себе позволить только любовник. Эдвард ругнулся и ударил рукояткой хлыста по голенищу сапога, с трудом поборов желание соскочить с лошади и преподать этому наглецу урок, который он надолго запомнит.

Мак-Грегор, словно прочитав его мысли, вернулся к дому и закрыл дверь. Грейсон тронул свою лошадь с места, и Эдвард быстро надвинул капюшон на лицо. Сжимая поводья, он с нетерпением ждал конюха и девушку. Он видел, что Грейсон обнял Келси за талию, а край ее ночной сорочки касается его штанов. Эдвард дернул поводья. Кинжал тряхнул

головой и фыркнул от неожиданного рывка. Когда Грейсон подъехал к нему, Эдвард прыгнул на землю.

– Она поедет со мной.

Грейсон вздрогнул, услышав, каким тоном он это произнес.

– Да, конечно, ваша светлость. – Он кивнул и обратился к Келси: – Сейчас, мисс, я помогу вам пересесть.

– Я лучше поеду с тобой.

Эдвард потерял терпение и рванул поводья. Кинжал взвился на дыбы. Келси вскрикнула, когда герцог схватил ее и посадил впереди себя. Кинжал едва не задел копытами лошадь Грейсона. Кобыла шарахнулась в сторону.

– Езжай вперед, мы найдем дорогу, – сказал Эдвард конюху.

С жалостью взглянув на Келси, Грейсон прищипорил лошадь и, не оглядываясь, поскакал в направлении замка.

– Сумасшедший, – процедила Келси сквозь зубы, – вы его чуть не убили!

– Его жизнь не была в опасности, – сказал Эдвард, едва сдерживая ярость. – Но не ручаюсь за твою, если попытаешься сражаться со мной.

Келси хотела повернуться и посмотреть на его лицо, но он пустил коня галопом. Она откинулась и прижалась спиной к его груди.

– Отвезите меня домой! – прокричала она сквозь стук копыт жеребца. – Я не буду расписывать вашу проклятую сте-

ну.

Он склонился к пей так, что его губы почти касались ее уха.

– У нас договор. – Он почувствовал, как дрожь прошла по ее телу, прежде чем она отдернула голову подальше от его губ. Он безжалостно улыбнулся. – У меня есть контракт, подписанный твоим отцом. Ты возвращаешься со мной или предпочитаешь, чтобы твой отец посидел немного в тюрьме, как следует из статьи контракта?

– Я вас ненавижу!

– Меня это не волнует! – Он засмеялся.

– Зачем вы приехали за мной? Оставались бы со своей шлюхой!

– Если бы ты следовала правилам, ничего бы не произошло.

Она промолчала.

– Так вот, я, – продолжал он, – как наниматель, отвечаю за тебя. Знай я, что ты убежала к своему любовнику, не стал бы искать тебя по всей округе.

– Вас не касается, к кому я хожу и что делаю. – Она почувствовала, как его пальцы впиваются в ее кожу, и хлопнула его по руке. – Не стоит так крепко меня держать!

Он отпустил руку. Она судорожно вдохнула воздух и тут же потеряла равновесие. Он схватил ее, чтобы не дать упасть с лошади, и она буквально впечаталась спиной ему в грудь. И вся напряглась, пытаясь отодвинуться от него. Но тут небо

прорезала молния, и она замерла. Грянул гром. Хлынул ливень.

Эдвард почувствовал, как она прижалась к его груди. Одежда сползло с одного плеча. Он натянул его и поплотнее закутал ее. Келси расслабилась. Эдвард вымок до нитки, но не обращал на это внимания. Его мысли были заняты Келси. Он ощущал ее теплые податливые бедра, мягкость ее волос, развевающихся от ветра. Его тело реагировало на ее женственность, и он ничего не мог с этим поделать.

Когда они подъехали к конюшням Стиллмора, гроза закончилась и опустился туман. Но страсть в душе Эдварда не утихала. У него было так туго в паху, что, спускаясь с коня, он почувствовал боль. Он бросил поводья Грейсону.

– Проследи, чтобы Кинжал был в тепле, – резко сказал Эдвард.

– Непременно, ваша светлость.

В обычной ситуации Эдвард остановился бы и поговорил с конюхом. Ему нравился этот юноша, но сейчас он даже не дождался ответа Грейсона. Он снял Келси с коня, не обращая внимания на ее удивленный возглас, и направился к входу для слуг.

– Я не могу идти, – сердито сказала Келси.

– Можешь, только у тебя нет обуви и ноги в грязи. Она не ответила, скрестила руки на груди и отвернулась. Она хотела, чтобы он отнес ее в дом на руках.

Она была легкой как пушинка. Сквозь тонкую, влажную

сорочку он ощущал тепло ее тела.

– Спасибо, можете опустить меня, – вежливо, даже мягко, сказала Келси.

– Конечно, – ответил он, и только сейчас обнаружил, что стоит в бальной зале перед ее дверью.

Опуская ее на пол, он не удержался и позволил ее влажному телу скользнуть по его телу. Это было опасно, но он не думал, что настолько опасно, пока ее бедро не скользнуло вдоль его живота вниз. Ее пальцы коснулись его спины, бедра двинулись еще ниже, прижавшись к его напряженному естеству, и скользнули вдоль всей его длины. Он тихо застонал.

– Извините, я сделала вам больно? – Голос ее дрогнул. Он усмехнулся и, прикоснувшись губами к ее лбу, прошептал:

– Да, если удовольствие может причинить боль. – Он опустил ее на пол, но еще держал за талию.

– Удовольствие? Что вы имеете в виду? – Она попыталась высвободиться, но он сильнее сжал руки вокруг ее талии, такой тонкой, что он, наверное, смог бы обхватить ее пальцами.

Он привлек ее к себе.

– Ты говоришь, как девственница.

– Девственница я или нет, тебя не касается, – сказала она, чуть дыша.

Тонкая полоска света проникала в бальную залу через окно. Под покровом темноты он чувствовал себя смелее. Он

склонился ниже, чтобы почувствовать ее дыхание на своих губах.

– Келси, ты хочешь меня так же, как я тебя, я чувствую, как ты дрожишь в моих объятиях.

Он провел пальцами по ее пухлым губам, и она вздрогнула.

– Ты не можешь отрицать, что это приятно нам обоим. Не заставляй нас страдать.

Он сардонически улыбнулся в сторону, позволив одеялу упасть с ее плеч.

Она судорожно вздохнула.

– А ты не можешь отрицать, что в страдании есть достоинство.

Он засмеялся, снял плащ и бросил на пол.

– Возможно, па поле битвы, но не между мужчиной и женщиной.

Она хотела что-то сказать, но он зарылся пальцами в ее густые влажные волосы и приблизил ее лицо к своему. Когда их губы встретились, она вся напряглась в его объятиях. Он не чувствовал, что ее руки пытаются оттолкнуть его. Не прерывая поцелуя, он двигал ее к двери, пока она не уперлась в нее спиной.

Он прижал ее запястья к двери над ее головой, думая, не затеяла ли она игру, в которую любила поиграть с молодым Мак-Грегором. Он не хотел заниматься с ней любовью, пока считал девственницей. Теперь возможность обладать ею, по-

смотреть, как долго она сможет испытывать свою собственную страсть и его, до предела возбудила Эдварда.

Он продолжал целовать ее, пока не почувствовал, что ее губы смягчились, а тело стало податливым. Он провел языком по ее губам, они приоткрылись, и он нырнул в глубину ее рта, пробуя сладкую теплоту на вкус.

Он медленно провел руками по внутренней части ее рук, ощутив мягкую бархатистость ее кожи. Когда он достиг ладоней, то соединил свои пальцы с ее, раздвинул ее бедра коленом, прижавшись к ней всем телом. Он потер своим возбужденным естеством о ее мягкую плоть, желая войти в нее, но решил не спешить.

Он поцеловал ее подбородок, затем шею, ощутив, как бьется жилка.

– Ты вся зажалась, Келси, – прошептал он. – Отдайся мне! Я хочу всю тебя.

– Нет... – простонала она, запрокинув голову.

– Да... – Он провел языком по ее нежной шее. Ее кожа была такой горячей, сладкой. Спускаясь языком ниже, он задел подбородком высокий тугий воротник ее сорочки. Он лизнул ямку на ее шее и почувствовал, что она вся дрожит. Он наклонился и взял губами ее сосок, покусывая его. Келси выгнулась, застонала, расслабилась, сжала его руку.

Наконец-то! Она сдалась! Такого возбуждения Эдвард еще не испытывал. Ведь она сопротивлялась не только телом, но и душой. Никогда еще он так не желал женщину.

– Боже, как ты красива! – выдохнул он, глядя на ее грудь.

Он снова нашел ее губы, проник в рот. Его язык двигался в такт движениям его бедер. Он попытался стащить с нее сорочку, но тут она дала ему пощечину.

– Я не позволю использовать себя, как ты использовал Клариссу и ту твою шлюху! Ты похотливый, подлый дьявол.

– Вы достаточно сказали, мадам. Я думал, ты этого хотела так же, как я. Мы оба ошиблись. – Он отшатнулся от нее, будто обжегшись. – Не беспокойся! Я больше близко к тебе не подойду! Делай свою проклятую работу и соблюдай правила. – Он подобрал с пола свой плащ и вышел из бальной залы.

Глава 4

Слезы мешали Келси рассмотреть в темноте ручку двери. Наконец она нашла ее, повернула и вбежала в комнату. Она задыхалась, сердце бешено стучало.

Келси вытерла слезы, пытаясь успокоиться, и оглядела себя.

– О Боже! – Она стянула концы порванной им сорочки, чтобы прикрыться. – Как я могла так унизиться?

Она ударила его, ненавидя свою слабость еще сильнее, чем ненавидела его. Он готов переспать с любой женщиной, которая подвернется под руку. Она никогда больше не даст ему шанса. Это уж точно.

Рука все еще болела от пощечины. Она надеялась, что он тоже испытал боль. Но это самое меньшее, что он заслужил.

Подумать только, он единственный, кто поинтересовался ее невинностью. Должно быть, он видел ее с Гриффином. Нелепо, конечно, но пусть думает, что хочет. По крайней мере не подойдет к ней больше, как и обещал.

«Ты же знаешь, что хочешь его».

«Нет! Я ненавижу его».

Скребущий звук отвлек ее от борьбы с собственной совестью. Кто-то оставил зажженную свечу. В мерцающем свете она увидела Брута, разгуливавшего по столу для рисования.

– Где ты был?

Когда Келси подошла к столу, он зашипел, показав два ряда острых как лезвие зубов, затем спрыгнул и скрылся под кроватью.

– Интересно, зачем ты приходишь сюда? Только для того, чтобы на меня шипеть?

Келси пошла за котом, чтобы попробовать подружиться с ним, но взгляд зацепился за что-то черное, и она остановилась. Бутылочка черных чернил, которыми она пользовалась для набросков, лежала на боку, пустая. Чернила растеклись по столу. Перья для рисования были сломаны пополам, а эскизы порваны в клочья и разбросаны, как конфетти. Кто мог это сделать? Она подумала о Бруте, но тут же отогнала эту мысль. Слишком много пакостей, даже для Брута.

Келси подобрала несколько клочков бумаги. И, держа их на ладони, внимательно разглядывала. Первой мыслью было, что это дело рук призрака герцогини. Но вряд ли призрак стал бы так мелочиться. Скорее всего здесь побывал Салфорд, отправившийся искать ее после того, как она ввалилась в его комнату, и, не найдя, выместил свою злость на ее работах.

Стук в дверь заставил ее вздрогнуть.

Неужели Салфорд?

– Это я, мисс.

Келси вздохнула с облегчением, узнав голос Мэри.

– Да, Мэри? – откликнулась Келси, прячась за полуоткрытой дверью, опасаясь, как бы Мэри не увидела ее рваную,

мокрую сорочку.

– Прошу прощения, мисс! – Мэри присела в реверансе.

Келси заметила, что на ней нет передника, а чепчик съехал набок. Пряди рыжих волос падали ей на глаза, как будто она надевала чепчик впопыхах. Ее щеки горели, а дыхание было неровным.

Обезоруженная, Келси спросила:

– Боже, Мэри, что случилось?

– Хозяин велел дать вам это. – Мэри протянула Келси ночную сорочку через проем, продолжая бормотать: – Она принадлежала герцогине, она очень хорошая, мисс, ее ни разу не надевали, я достала ее из сундука на чердаке. Ни к чему таким красивым вещам пылиться. Я рада, что она вам пригодилась. Могу приготовить вам теплую ванну, если хотите, мисс.

Сорочка с виду была очень дорогой. Скомкав ее в руках, Келси подумала, что случившееся известно всему дому. Все знают, что она убежала в одной сорочке, а Салфорд привез ее обратно. Знали ли они, что он с ней сделал? Келси пристально посмотрела на Мэри, чувствуя, как лицо начинает гореть. Как он мог поднять Мэри с постели лишь для того, чтобы прислать с ней сорочку и тем самым привлечь внимание к случившемуся? Келси хотелось его задушить.

– Мне это не нужно, и я не собираюсь причинять тебе беспокойство, заставляя готовить ванну. Возвращайся в кровать, Мэри. Даже не верится, что лорд Салфорд поднял тебя

только из-за этого, — сказала она, выпроваживая служанку за дверь.

Однако Мэри проворным движением просунула руку с сорочкой в дверной проем.

— Пожалуйста, мисс, возьмите. — В ее голосе звучало волнение. — Он разозлится, если вы не возьмете, и выместит свой гнев на мне. От него прямо пар шел, как от чайника, когда он приказывал мне.

Келси решила не огорчать бедную Мэри.

— Хорошо, я возьму. Ты говоришь, лорд Салфорд приказал тебе. А ты видела его лицо?

— О нет, мисс. Никогда. Он говорит со мной только из-за закрытой двери. Обычно Уоткинс передает его приказы. Это он сказал мне, чтобы я быстро пошла на чердак и нашла вам что-нибудь вроде ночной сорочки из гардероба герцогини. — Подражая интонациям Уоткинса, Мэри продолжала: — По приказу герцога. И отчитайся ему затем немедленно. — Она улыбнулась, озорной огонек сверкнул в глазах. Келси хихикнула. — Я знала, что вам можно доверять, мисс. Вы не такая надменная, как они. Я поняла это, когда вы хотели взять на себя вину за поднос, который я уронила. Благодарю вас, мисс. А Уоткинс надрал бы мне уши, думаете, нет? Не то чтобы я его не любила, нет, но он надменный, как жареная индейка, непонятно почему. Повариха говорит, это оттого, что у него зубы болят. А за это никого нельзя осуждать. У меня тоже болели в свое время. Но нельзя взваливать на

других свои неприятности. К нам, к горничным, он относится как к приемным детям.

— А сколько горничных в замке? — спросила Келси.

— Нас только двое. На весь этот огромный, страшный замок, — Мэри пожала плечами и с гордостью добавила: — Я единственная горничная на верхнем этаже. Это тяжелая работа, конечно, и я натираю мозоли, но платят хорошо. И я понимаю, почему так мало слуг, хозяин переживает из-за своего лица и вообще. Уоткинс говорит, ему не нравится, когда женщины строят ему глазки, а я вообще никому не строю. Делаю свою работу и все. Если хотите знать, я рада, что не приходится смотреть на его лицо. Повариха говорит, что прошлая горничная, которая была до меня, зашла убрать его комнату в неурочное время, застала его там и упала в обморок, вот что. Ее уволили на следующий день. Бедняжка! Мне было ее очень жаль. Ведь она не нарочно упала в обморок.

Мэри болтала без умолку, и Келси прервала ее:

— Все это интересно, но я... — Келси продрогла во влажной сорочке, но не переодеваться же при горничной.

— Простите, мисс. — Мэри покраснела. — Ма говорит, я как начну болтать, трещу без умолку, хуже, чем повозка без рессор. — Она склонила голову. Еще несколько прядей рыжих волос выбились из-под шапочки. — Могу я что-нибудь сделать для вас, мисс? Может, принести еще угля для очага?

— Нет-нет, Мэри. Но я вот что хотела тебе сказать: теперь

я буду есть на кухне вместе со слугами.

— Ну, не знаю, мисс. — Мэри округлила глаза. — Хозяин никогда не меняет своих указаний, а он распорядился, чтобы вы ели у себя в комнате.

— Но твой хозяин вряд ли об этом узнает, потому что не ходит на кухню. А мы ему не скажем. С Уоткинсом я поговорю. Лорд Салфорд не должен был устанавливать эти дурацкие правила. Он не заставит меня сидеть взаперти. Я не люблю одиночества. Мне необходимо общение, к тому же тебе не придется носить сюда поднос с едой. Мэри хотела возразить, но Келси сказала:

— Спокойной ночи, Мэри. Увидимся утром. — И закрыла дверь.

Оставшись одна, Келси испытала облегчение. У нее не было ни малейшего желания вести с кем бы то ни было разговоры. Она старалась не думать о Салфорде, но все напоминало о нем. И дом, в котором она теперь жила, и даже сорочка. Она принадлежала его погибшей жене. Очень строгая, с единственным шнурочком вокруг высокого воротника, из очень хорошего батиста. Она никогда не носила таких. Возможно, он проявил заботу, когда попросил Мэри принести Келси сорочку.

Дрожа, Келси быстро переоделась, затем расчесала пальцами волосы и скользнула в постель. Усталость наконец взяла свое. Она задула свечу и закуталась в одеяла.

И снова слышала скрип.

Она села в постели и подняла голову, с трудом преодолевая желание запустить чем-нибудь в потолок. Ну что он там ходит? Келси снова легла, накрыв голову подушкой.

– Боже, помоги мне!

От крика Келси проснулась и вскочила с кровати. Протерла глаза и увидела Мэри, уставившуюся на залитый чернилами стол. Утреннее солнце пробивалось сквозь окно, и тоненькая фигурка Мэри утопала в потоке света.

– Что тут произошло, мисс? Это ужасный беспорядок. Уоткинс душу из меня вытряхнет, если я не смогу это отмыть. Я даже не знаю, как...

– Просто скажи ему, что это сделал лорд Салфорд, и он успокоится, – ответила Келси. Одну половину ночи она провела, слушая, как Салфорд ходит над ее головой, а вторую – мечтая о нем, представляя, как он целует ее, прикасается к ней, занимается с ней любовью в каждой комнате замка.

– Я не могу этого сделать, мисс. – Мэри собрала клочки бумаги, разбросанные на столе.

– Тогда скажи ему, что это сделал призрак. Здесь был Брут, но это не он порвал мои эскизы. Он хотя и злобный, но на такое не способен.

– Этот старый негодяй? Он так не озорничает. Он порвал однажды занавеску в библиотеке, когда гнался за мышью, но такого сделать не мог.

– Я знаю. Все так и было, когда я вернулась в комнату. –

Келси умолкла, осторожно подбирая слова. — Я навещала друга вчера вечером.

— Все в порядке, мисс, — сказала Мэри, рассеянно глядя на стол. Обрывки бумаги она собирала в карман. — А из-за стола не переживайте. Он старый, из школьной комнаты.

Она налила воды в кувшин и положила рядом полотенце.

— У поварихи для вас готов отличный завтрак. Она чуть не надрала мне уши, когда я сказала, что вы хотите есть на кухне. И объяснила: гости никогда не едят на кухне.

— Я не гость. Я работаю так же, как вы все. — Келси отбросила одеяла и встала с кровати.

— Все равно, мисс, мне от нее попало.

— Не беспокойся, я скажу ей о новых порядках.

— Скажите, мисс. Я передам поварихе, что вы скоро придете.

Мэри с явным облегчением присела в реверансе и вышла. Келси проводила ее взглядом.

Мэри, видимо, чем-то обеспокоена. Но чем? Неожиданно Келси заметила, что в комнате необычно тихо, и устремила взгляд на потолок. Сверху не доносилось ни звука.

Недобрая улыбка появилась на ее лице. Она схватила кочегру и пустое ведро из-под угля.

Первый удар заставил ее вздрогнуть, но постепенно она привыкла к шуму. Потом стала громко кричать и кричала до тех пор, пока не охрипла и не зазвенело в ушах. Теперь она была уверена, что Салфорд либо проснулся, либо умер. Она

надела рабочую одежду, причесалась и вышла из комнаты, изо всех сил хлопнув дверью, причем не один раз, а три.

– Что за черт! – Эдвард сел в постели и вздрогнул от грехота. Удары, казалось, сыпались ему прямо на голову. Почти всю ночь он не спал, мечтая о том, как срывает с Келси одежду, целует ее, ласкает ее соски, занимается с ней любовью. Он измучился от боли в паху.

Уоткинс поклонился, войдя в комнату.

– Да, ваша светлость.

– Есть ли в этом доме хоть один тихий уголок?

– Не понимаю, о чем вы, ваша светлость?

– О шуме, о чем же еще?

– О шуме, ваша светлость?

– О том чертовом шуме! – Эдвард отбросил прочь одеяла и встал с кровати, невзирая на свою наготу.

Уоткинс, опустив глаза, взял халат и помог Эдварду надеть его.

– Я... я не слышал шума, – произнес он, почти не разжимая губ.

– Значит, ты глухой.

– Да, ваша светлость, – с готовностью согласился Уоткинс. Эдвард метнул в Уоткинса испепеляющий взгляд.

– Сам знаешь, что не глухой.

– Да, ваша светлость. – Уоткинс склонил голову, затем повернулся к платяному шкафу, и удивление блеснуло в его

глазах.

– Ты собираешься замучить меня до смерти своими «Да, ваша светлость»?

– Надеюсь, этого не случится, ваша светлость.

– Когда закончишь перебирать мою одежду, выяснишь, кто поднял этот адский шум, и доложишь мне. Похоже, он доносился из бальной залы.

– Да, ваша светлость.

Так ничего и не добившись от Уоткинса, Эдвард умылся и снова обратился к Уоткинсу:

– Уверен, шум разбудил мисс Уолларил. Я не потерплю, чтобы гостей беспокоили в моем доме. Найди и немедленно уволь виновника, но сначала пришли его ко мне. Я хочу поговорить с ним.

– Я прослежу за этим, ваша светлость. Эдвард бросил полотенце на кровать и спросил:

– Все готово для приема моего кузена?

– Я приготовил Голубую комнату для лорда Лавджоя, ваша светлость.

– Очень хорошо, А что насчет визита леди Шелборн? Также все готово?

– Будет готово на следующей неделе, к ее приезду. Я написал ее домоправительнице и узнал, какие блюда она предпочитает. Для нее приготовлена Розовая комната, ваша светлость.

– А цветы, у нас их достаточно в оранжерее?

– Хватит, чтобы заполнить каждую комнату в замке, ваша светлость.

– Очень хорошо. – Раздвинув занавески, Эдвард устремил взгляд в окно.

– Будете сегодня кататься верхом, ваша светлость?

– Да, да. – Эдвард махнул рукой в неопределенном направлении.

Уоткинс разложил на кровати черный плащ, пару брюк для верховой езды и белую рубашку, аккуратно расправил складки.

Эдвард поискал взглядом Келси:

– Уоткинс, мисс Уолларил позавтракала?

– Не знаю, ваша милость. Пойти спросить?

– Нет, нет. – Эдвард отвернулся от окна и посмотрел на стоящего у кровати Уоткинса: губы его были сжаты, сквозь тонкую, натянутую на скулах кожу проступили вены. Эдвард смягчился. Старый слуга обслуживал еще его отца. – В чем дело, Уоткинс, ты что-то хочешь мне сказать?

– Ваша светлость, мне только что сообщили, что мисс Уолларил хочет есть с прислугой.

– С прислугой? – Эдвард вскинул брови.

– Одной ей скучно.

– Не смотри так на меня, Уоткинс, я не собираюсь приглашать ее за свой стол.

– Позвольте заметить, что вы едите один, ваша светлость.

– Знаю, мне так нравится, – резко ответил Эдвард.

– Думаю, общество вам бы не помешало, ваша светлость, – стоял на своем Уоткинс. – Мисс Уолларил – прекрасная молодая девушка.

– Ты тоже очарован ею, а? – Эдвард посмотрел на Уоткинса из-под сдвинутых бровей. Перед его глазами возник образ молодого Мак-Грегора, и он попытался подавить неожиданный приступ ревности.

– Возможно, ваша светлость.

– Я знаю, чего ты добиваешься, Уоткинс. Сводничество тебе не к лицу. К тому же мисс Уолларил уже влюблена в другого, а меня ненавидит. Она дала это мне понять вчера ночью. – Эдвард вспомнил пощечину и потер щеку.

– За такой женщиной нужно ухаживать. Ее нужно завоевать, – сказал Уоткинс.

– Вот что, Уоткинс. Твое дело присматривать за замком, а в мою чертову личную жизнь не лезь.

Уоткинс обиженно поджал губы. Он повернулся, направился к двери и совершенно другим тоном сказал:

– Да, ваша светлость. – И вышел из комнаты. Эдвард посмотрел ему вслед. Интересно, сколько в мире упрямых дворецких и все ли они вмешиваются в жизнь своих хозяев?

Он снова посмотрел в окно. Ему нравился вид, открывавшийся из этой комнаты: прекрасные сады, озера, густые леса за деревней. Его прапрадедушка спланировал такое положение комнат, когда замок перестраивали. Годами Эдвард смотрел из этого окна, обозревая свои владения. Это прино-

сило ему покой, уверенность в себе. Он чувствовал себя хозяином и господином, но сейчас вдруг появилось неодолимое желание что-то изменить, нарушить монотонность последних десяти лет жизни.

Иногда казалось, что усталость поглотит его целиком, особенно после прошлой ночи, когда Келси его отвергла. Просто помешательство. Теперь Уоткинс пытается свести его с ней. Господь всемогущий! Ему необходимо уехать.

Эдвард потер щетину на подбородке и снова заходил взад-вперед по комнате. Он дотронулся до повязки на глазу и подумал, что никогда не предложит женщине связать свою жизнь с ним. Быть женой чудовища. Уроды. Вызывать жалость у окружающих? Такого врагу не пожелаешь. Особенно жалости!

Эдвард взял восточную статуэтку с полки камина, швырнул в зеркало на стене и смотрел, как искривившееся отражение его лица треснуло и растворилось в осколках стекла, посыпавшихся из позолоченной рамы.

Келси, насвистывая, открыла дверь на кухню. Молодая женщина, поперек себя шире, выронила из рук скалку и вскрикнула. Скалка покатилась к краю стола. Другая женщина, очень маленькая, полная противоположность первой, как раз вынимала пирог из печи, и он соскользнул с противня.

Келси, которая всегда помогала матери на кухне, а потом готовила для отца, поймала пирог краем фартука, чтобы не

обжечься. Затем как ни в чем не бывало улыбнулась собравшимся и поставила пирог на стол рядом с восемью другими, которые остывали.

– Как вкусно пахнет! – сказала она.

Женщины переглянулись, затем посмотрели на Келси, затем снова переглянулись. Первой пришла в себя толстуха. Она подняла скалку и сказала:

– Когда эта трещотка Мэри сообщила, будто вы собираетесь есть на кухне, я подумала, что она свихнулась. Я ей так и сказала. – Не дождавшись ответа Келси, она повернулась к маленькой женщине, чье лицо из бледного стало пунцовым: – Агнес, ты, безмозглая бездельница! Если уронишь мой пирог, я тебе уши надеру! Тебе повезло, что у мисс быстрые руки, вот что я тебе скажу!

Агнес выпрямилась, чтобы не выглядеть совсем маленькой рядом с большой женщиной, и бросила на стол рукавицу для печи.

– Если бы ты надрала мне уши, я бы выцарапала тебе глаза! Вот так-то!

– Ох, когда-нибудь это случится!

– Да уж, да уж!

– Не дожدهшься, пока я в здравом уме! – Толстуха схватила рукавицу и бросила через всю кухню.

– Меня тошнит от тебя, Эллис. Думаешь, если ты моя старшая сестра и готовишь больше, чем я, значит, можешь командовать? Ошибаешься! – Агнес взяла горсть муки и

швырнула Эллис в лицо.

Эллис рот разинула от удивления. Ее огромные груди колыхнулись над пухлым животом, когда она резко вдохнула. Глаза-щелочки исчезли среди белых морщинок, когда она посмотрела на Агнес. Она поискала вокруг, чем бы кинуть, увидела тесто, схватила его и опустила прямо на голову Агнес.

– Получай, тощая никчемная кобыла!

К удивлению Келси, Агнес не уклонилась, а стояла, словно гранитная статуя. Она спокойно стерла тесто с глаз, позволила ему стечь с кончиков пальцев и посмотрела на Эллис.

– Лучше быть тощей, чем огромной, как грузовой корабль!

– Ты просто бесишься, что Чарли женился на мне, а не на тебе.

Агнес потянулась к одному из пирогов.

Келси почувствовала облегчение, когда дверь скрипнула и в кухню вошел Уоткинс. Рука Агнес замерла. Обе женщины повернулись в сторону Уоткинса. Одного его взгляда хватило, чтобы они уgomонились и сделали вид, будто заняты своими делами. На Эллис и Агнес забавно было смотреть: у одной на лице – мука, у другой – тесто.

Келси не выдержала и рассмеялась. Потом пришлось извиняться. Келси чувствовала себя виноватой. Не появившись она на кухне, не случилось бы ничего подобного.

– Они просто показывали мне новый способ выпечки пи-

рогов. Разве не так? – Келси сделала женщинам знак глазами.

На их лицах появились улыбки.

– О, да, мисс, конечно, – ответила Агнес. Уоткинс посмотрел на женщин, потом на Келси и скептически заметил:

– Стоило вам прийти на кухню, как сразу начались неприятности.

– Пожалуй, вы правы! – Келси отвела взгляд.

– Если вы собираетесь изучить новый способ выпечки, я попрошу повариху подождать немного, чтобы я тоже мог посмотреть. Что вы об этом думаете, мисс Келси?

Взглянув на раздраженные лица Агнес и Эллис, Келси ответила:

– Полагаю, я могу подождать, так как готовить в ближайшее время не собираюсь. Только вряд ли Агнес и Эллис согласятся на ваше присутствие. Это ведь очень секретный кулинарный рецепт. Они с Агнес просто решили провести эксперимент. Тесто получится таким нежным, что будет таять во рту. Я подкупила их. Обещала написать их портреты, если они разрешат посмотреть на процесс приготовления.

– Написать их портреты? – Уоткинс посмотрел на Келси из-под густых седых бровей, стараясь сохранить строгий вид. Во взгляде его мелькнуло удивление. – Что же, я думаю, они польщены, пусть даже это подкуп. – Он посмотрел на Эллис и Агнес и добавил: – А теперь уберите здесь. – Уоткинс погрозил им пальцем. – И умойтесь.

Ведь сегодня у его светлости обедает гость. Надеюсь, у вас

все готово.

Эллис кивнула:

– Да, сэр. Мы приготовили прекрасное жаркое и любимое блюдо лорда Лавджоя...

Уоткинс прервал ее:

– Очень хорошо. Как насчет завтрака для мисс Уолларил?

– Все готово. – Эллис быстро вытерла лицо подолом фартука и поспешила к печке, держа наперевес большую чугунную кастрюлю с ручкой. Она шлепнула кусок ветчины, сделала яичницу-болтунью и насыпала соли на тарелку.

Агнес убрала с подбородка тесто, затем вынула из печки несколько кусков хлеба и положила на них свежее масло.

– Уоткинс, надеюсь, вы не возражаете, чтобы я завтракала здесь? – И, заметив строгий взгляд Уоткинса, добавила: – Мне приятнее есть в компании. И хлопот меньше.

Уоткинс хотел что-то сказать, но, видимо, передумал и пошел к длинной лавке в середине кухни.

– Что же, присаживайтесь, мисс Уолларил.

– Спасибо!

Уоткинс направился к стоящим вдоль стен шкафам, где хранились китайские сервизы и серебро. Уоткинс остановился возле одного ящика и открыл дверцу. Келси увидела, как засверкали серебряные приборы.

– А кто этот лорд Лавджой? – поинтересовалась Келси.

– Один из кузенов его светлости, – ответила Эллис, ставя перед ней тарелку и высокий стакан с молоком. – Прекрас-

ный человек, вежливый, улыбочивый. Иногда заходит на кухню и хвалит моюстряпню. Он...

Уоткинс сделал ей знак глазами, мол, не болтай лишнего. Эллис осеклась, вернулась к столу для готовки и стала помогать Агнес чистить яблоки.

Уоткинс снова подошел к Келси. Прежде чем положить возле нее серебряный прибор, он тщательно осмотрел его, заметил на ручке чайной ложки пятнышко, подышал на серебро и протер его краем рукава.

– Вот, мисс Келси. – Он сел рядом с ней.

– Я не достойна таких королевских почестей, – сказала она с улыбкой, беря ложку.

Он наклонился, шепнув ей на ухо:

– Я думаю, достойны, мисс Келси. Любой, кто так искусно врет, заслуживает даже большего, чем королевские почести. Только советую вам быть осторожной.

Она улыбнулась ему, несколько не смутившись.

– Я думала, у меня хорошо получается, – сказала она и принялась за еду.

– Вам еще нужно потренироваться. – Уоткинс поднялся, чтобы уйти, но вдруг сказал: – Вы слышали сегодня утром шум?

Келси чуть не подавилась:

– Нет, а почему вы спрашиваете?

– Его светлость жаловались, что их разбудил ужасный шум. Он уверен, что и вас он побеспокоил.

– Меня? Я ничего не слышала, – сказала она, старательно отрезая кусок ветчины.

– Хм... подумать только! – Уоткинс посмотрел на нее так, будто знал все. – С вашего позволения, я пойду, у меня много дел.

– Да, конечно. – Она посмотрела ему вслед. Эллис и Агнес одновременно вздохнули, когда дверь за ним закрылась. Агнес заговорила первой:

– Боже, старый Уоткинс сегодня злой, как черт.

– А я не заметила, – сказала Келси и, помолчав, добавила: – Наверное, у него зубы болят.

– Вы правы, мисс, – проговорила Эллис. – У него даже щека немного распухла. Зубы совсем его замучили.

Келси решила спросить насчет зубной боли Уоткинса у Гриффина, когда они встретятся. Прошлой ночью он пообещал ей прийти к воротам Стиллмора утром. Он был взволнован, и Келси дала ему слово подойти в десять. Сейчас было около этого. Она быстро доела завтрак. Когда Агнес поставила перед ней тарелку с пирожными, повернулась к ней и спросила:

– Могу я взять несколько для своего друга? Он сын фермеров лорда Салфорда.

– Конечно, мисс, я не раз говорила Эллис, это плохо, что в замке нет женщины и некому провести их и посмотреть, как они живут. Хозяин их никогда не навещает. Нет леди, чтобы уделить им хоть капельку доброты. Я всегда говорила,

с соседями нужно быть в хороших отношениях. Вот, мисс, возьмите еще и пирог.

Агнес нашла корзину и положила в нее пирожные.

– Возьмите кусок сыра, – сказала Эллис, кладя в корзину пирог и сыр.

Корзина оказалась в результате неподъемной.

Келси шла по длинной извилистой тропе, по обеим сторонам ее росли старые вязы. Солнце пробивалось сквозь кружево листьев. Накануне прошла гроза, воздух был влажный и свежий.

Воробей сел на середину тропинки и зачирикал – Келси вторглась на его территорию. Затем взлетел на ветку вяза. Засмотревшись на него, Келси не услышала приближавшегося стука копыт.

Глава 5

Огромная лошадь пронеслась сквозь ряды вязов. Замерев на месте, бледная от страха, Келси прижала к себе корзину.

Осознав, что все еще жива, девушка перевела дух и прислонилась к толстому вязу. Колени все еще дрожали, а сердце колотилось так, что казалось, вот-вот выскочит из груди. Всего четыре шага отделяли ее от смертельной опасности. Всадник, видимо, увидел ее в последний момент и успел свернуть. Келси смотрела ему вслед, когда он крикнул через плечо:

– Снова нарушаете проклятые правила, мисс Уолларил! Это был лорд Салфорд. Собравшись с силами, Келси крикнула в ответ:

– Не знала, что есть правило, запрещающее прогулки! Салфорд продолжал скакать по лужайке, его огромный жеребец копытами выбивал из земли пучки зеленой травы. Келси не могла отвести от него глаз. На нем был тот же плащ, что и прошлой ночью. Он развевался на ветру, сливаясь с черной шкурой скакуна. И вскоре они исчезли за холмом.

Что, если он вернется? Но он не вернулся. И только сейчас, немного придя в себя, она поняла, что все еще прижимает корзину к груди. Она поставила ее на землю и вздохнула, то ли от облегчения, то ли от разочарования. С одной стороны, она испытывала невероятное любопытство и желание

взглянуть на его лицо, с другой стороны – предпочитала держаться подальше от этого соблазнителя, безликого фантома из ее снов. Он вызвал в ней чувства, о которых она прежде понятия не имела, а теперь мечтала, чтобы прошлая ночь повторилась вновь.

Жаждала его прикосновений, не желая в этом признаваться даже самой себе.

Она вздохнула, вытерла вспотевшие ладони о подол, подняла корзину. Она должна забыть случившееся прошлой ночью. Должна его ненавидеть.

«Лгунья! Он съест тебя заживо, и ты ему это позволишь! »

«Уходи прочь! »

– Ты в порядке, Келл?

Вздвогнув, она повернулась и увидела, что Гриффин бежит к ней.

– Я ждал тебя у ворот, услышал, что ты кричишь на кого-то, и помчался сюда.

– Со мной все хорошо. Лорд Салфорд на своем жеребце едва не задавил меня, но успел свернуть в сторону. Отлично управляется с конем.

– И этот чертов негодяй даже не остановился посмотреть, все ли с тобой в порядке? – Гриффин в ярости сжал кулаки. – В какую сторону он поскакал? Я из него дух вышибу! Клянусь! Кто-то должен научить его хорошим манерам.

Скорее Гриффин получил бы урок, подумала Келси, вспомнив, какие могучие у Солфорда плечи.

– Нет-нет, я сама виновата. Я снова нарушила правила, понимаешь? Кажется, мне положено бывать в саду между семью и десятью часами.

– Уверена, что все нормально? Ты немного покраснелась...

– Я в порядке. – Келси протянула ему корзину. – Возьми. Женщины, работающие на кухне, передали. Я бы сама принесла, но мне пора возвращаться. Хочу закончить свою работу и уехать отсюда.

– Понимаю, о чем ты. Мне не нравится, что ты здесь. Когда ты вчера вернулась, все было нормально? Он тебя не тронул?

– Нет-нет. – Келси с трудом сдержалась, чтобы не отвести глаза. Иначе Гриффин ей не поверил бы. Уоткинс сказал, что она еще не научилась врать. Вот она и учится. Она устремила взгляд на длинные густые ресницы Гриффина и очень спокойно сказала: – Он довез меня и вел себя как джентльмен, я просто была удивлена.

– И в самом деле странно. – Гриффин, нахмурившись, посмотрел на нее. – Он не ругал тебя за то, что ты убежала? Ведь он выскочил из постели и помчался на поиски.

– Да, отругал. До сих пор уши горят.

– Он не был с тобой груб?

– О нет. Только ясно дал понять, что я не должна нарушать правила.

Гриффин задумался, затем сказал:

– А есть правило, запрещающее тебе встретиться со мной завтра? Например, у дуба на речке. Скажем, после ужина, в семь.

– Мне надо работать.

– Ты не можешь все время работать, а я хочу знать, как там идут дела. – Он кивнул в сторону замка. – Просто не верится, что твой отец отпустил тебя сюда одну. Все эти правила, равно как и то, что тебе запрещено принимать посетителей, наводят на мысль, будто Салфорд что-то задумал.

Она подбоченилась, как делала всегда, когда сердилась на него:

– Слушай, Гриффин Мак-Грегор, ты хорошо знаешь, что мне не нужен присмотр. Отец мне доверяет, чего не скажешь о моем лучшем друге. – Она шагнула к нему.

Он отступил.

– Я не имел в виду ничего плохого, Келл, и ты знаешь. А не доверяю я лорду Салфорду.

– Я могу сама о себе позаботиться. Кому, как не тебе, это знать, Гриффин Мак-Грегор.

– Я... – Он не договорил, поскользнувшись на прогнившем корне дерева, и упал. Келси не успела поддержать его, и он приземлился, держа корзину над головой, чтобы не вывалилось содержимое.

– Ты в порядке? – спросила она, склонившись над ним, взяла у него корзину и помогла ему подняться на ноги.

– Никогда не чувствовал себя лучше, – ответил он, поти-

рая ушибленный зад.

– Пусть это послужит тебе уроком, – строго сказала она, но в голосе ее звучали нотки тревоги. – В следующий раз смотри под ноги. – И она протянула ему корзинку. – Ну, мне пора, встретимся завтра вечером у тебя дома. Я зайду после того, как навещу папу. И ни слова про лорда Салфорда!

– Ни слова. – Гриффин замотал головой, и челка упала ему на лоб. Он выглядел совсем мальчишкой.

– Тогда до завтра. – Келси ушла, довольная собой. Гриффин не догадывается, что произошло ночью. Она обернулась и увидела, что Гриффин смотрит на нее с любопытством.

Он махнул ей рукой, повернулся и пошел по дорожке. А может, он все-таки что-то заподозрил? Не догадался ли он, что она ему соврала? Надо надеяться, что нет.

По пути в бальную залу Келси остановилась, когда взгляд ее упал на пол. Мелкие кусочки порванной материи сложились в тонкую линию, ведущую к двери ее спальни.

Она наклонилась, подобрала одну нитку, скрутила в пальцах и почувствовала мягкость материала. Это была ночная сорочка, которую ей дала Мэри. Она пошла по линии из распушенной материи, боясь даже подумать о том, что ждет ее за дверью. Ее руки дрожали, когда она входила в комнату. Она задержалась на пороге, взглянула на кровать и открыла рот от удивления.

Оправившись от шока, она подбежала к кровати и запустила руки в кучу валяющихся на ней порванных вещей. Ее

одежда. Ее вещи. Все порвано, даже нижнее белье.

– Что за грубый, злобный, мелочный человек... О-о... Как он мог? – Слезы застилали ей глаза. Она повернулась и стрелой вылетела из комнаты.

Она не воспользовалась задней дверью на кухню, а пошла через парадный холл, через портретную галерею, через коридоры. Остановилась в темном, мрачном холле, положив руки на бедра, грудь ее вздымалась. Мэри и еще одна девушка, стоя на коленях, натирали пол. Обе подняли на нее глаза.

– Где лорд Салфорд? – Голос Келси разнесся эхом в мрачной тишине коридоров.

– Я... я не знаю, мисс. – Мэри бросила щетку в ведро и села на корточки, вытирая руки о фартук. – А в чем дело?

– В чем дело? – Келси была дрожь, но она старалась держать себя в руках.

Вторая девушка, пухлая и розовощекая, смотрела на Келси, как на помешанную.

Уоткинс вошел в холл с тряпкой для полировки мебели в руке. Он посмотрел на мертвенно-бледное лицо Келси и спокойно спросил:

– Что случилось, мисс Келси?

– Где лорд Салфорд? Отведите меня к нему, сейчас же!

– Он завтракает в столовой, мисс Келси. Что-то не так?

– Мне нужно поговорить с ним. Придется его побеспокоить. Пожалуйста, отведите меня к нему.

– Он не любит, когда его беспокоят. Вы же знаете правила.

– Если он боится, что я увижу его лицо, я войду спиной к нему. Но поговорю с ним! Сейчас же!

Уоткинс поколебался минуту, сунул тряпку в карман, взял свечу и сказал:

– Следуйте за мной.

В полном молчании они прошли по широкому коридору, который вел в библиотеку. Вместо того чтобы остановиться у двери в библиотеку, Уоткинс подошел к следующей двери. Из-за нее доносились громкие раздраженные голоса.

– Ты сделаешь, как я скажу, или я отошлю тебя обратно.

– Куда отошлешь? Меня никто не примет.

Келси подумала, что это голос его любовницы, и решила поумерить свой пыл. Уоткинс уже хотел постучать, но Келси схватила его за руку и прошептала:

– Не беспокойте его.

– Вы уверены? – прошептал в ответ Уоткинс.

– Да. Вы сможете передать лорду Салфорду послание?

– Конечно, – кивнул Уоткинс.

– Вот! – Келси вложила в руку Уоткинса ключья ткани. – У меня на кровати их лежит целая гора, кто-то изорвал мою одежду.

– Вашу одежду? – Уоткинс пришел в замешательство.

– Да, мою одежду. Я ничего не сказала лорду Салфорду про изорванные эскизы, но одежда – это уже слишком. Я шла по дороге, он чуть не сбил меня, когда ехал верхом. Я знаю, что не должна была быть в саду, но если он хотел меня про-

учить, мог сделать это, как нормальный человек. Не обязательно рвать на куски мою одежду. Только психически больной мог сотворить такое.

– Да, это ужасно, но вы уверены, что это сделал его светлость?

– Уверена. И очень сомневаюсь в том, что он нормальный.

– Могу поручиться, что он вполне нормальный, мисс Келси, – заявил Уоткинс.

– А я – нет. И именно поэтому, да и по другим причинам, о которых я сейчас умолчу, я намерена установить свое правило. Так и передайте ему. Поскольку он ограничил мое пространство балльной залой и спальней, я теперь буду запираť все двери. И он не сможет входить туда, когда ему заблагорассудится. И вот еще что. Цена фрески выросла до пятисот фунтов. И если он захочет снова проявить свой темперамент и уничтожить что-нибудь из моих вещей, цена будет продолжать расти. Тогда, возможно, он будет себя контролировать. И если он пожелает обсудить новые правила как взрослый умный человек, я буду в балльной зале. Пусть заранее уведомит меня о своем посещении. Спасибо, Уоткинс. – Келси хлопала Уоткинса по руке в знак того, что на него она не в обиде, повернулась и пошла по коридору.

Уоткинс покачал головой, глядя ей вслед. Его хозяин уже перешел на крик. Уоткинс взглянул на дверь столовой, и на лице его появилась улыбка.

Несколько часов спустя Эдвард сидел за столом, просматривая почту, но никак не мог сосредоточиться. Его мысли постоянно возвращались к Келси.

В дверь постучали.

– Войдите! – Эдвард догадался, что это Уоткинс, и продолжил читать письмо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.